

Annotation

Его зовут Дио. Он не помнит своего проплого и не думает о будущем. В постоянно меняющемся мире мертвого Города он живет сегодняшним днем, понимая, что дня завтрашнего у него может и не быть. Он называет себя Губителем. Хладнокровный убийца, стервятник, разоряющий крысиные гнезда, охотник на бессмертных тварей Мастера Лека, Дио владеет оружием, способным пошатнуть Равновесие, но даже сам не догадывается об этом, пока в его жизни не меняется все. Он становится игрушкой в чужих руках, и неведомые кукловоды по одной обрезают нити, поддерживавшие его, не дававшие ему погибнуть в жестоком мире Города. Только лишившись последнего, Дио осознает, что ему было дано на самом деле и как невосполнима потеря. Чтобы выжить, он должен измениться, преодолеть свои страхи и выбрать, будет ли он сражаться на стороне Хаоса или выступит против него.

Новая битва за Упорядоченное в проекте «Ник Перумов. Миры»!

Предисловие

Раньше, в стародавние времена, когда трава была зеленее, а книги — только и исключительно бумажными (не считая микрофильмовых копий), предисловие мне следовало бы начать так:

«Молодая и подающая большие надежды автор Наталья Болдырева из Ростова-на-Дону уже известна любителям фантастики романом "Ключ", где в яркой и выпуклой форме вскрыла пороки бездуховного западного общества, которое…»

Пусть не удивляется читатель, открыв первую страницу «Двух сердец» и встретив там вместо гномов, эльфов, гоблинов и драконов, казалось бы, «типичный постъядер», технологический мир, переживший апокалипсис. Сам я долгие годы писал лишь об одной стороне вселенной Упорядоченного, стороне магической и волшебной, где время словно остановилось — все те же мечи, щиты, доспехи и в лучшем случае водяные или ветряные мельницы. Никакого прогресса за долгие и долгие века. Конечно, можно возразить, что в истории нашей Земли тоже были периоды очень медленных изменений, взять хотя бы Древний Египет — за три тысячи лет там не случилось каких-то совсем уж кардинальных изменений.

Однако в Упорядоченном это не так. Там хватает миров, где развивалась техника, а не магия, просто в силу некоторых причин эти миры выпали из моего рассмотрения. Когда создавался проект «Земля в Упорядоченном», мы как раз и хотели закрыть эти лакуны.

Мир, где разворачивается действие «Двух сердец» — это не просто «технологический мир», не просто «мир, переживший апокалипсис той или иной формы», каких было много в нынешней фантастике. Нет, это мир, куда неведомым для героев образом «сваливаются» отходы из иных, более развитых (или просто более везучих) мест. Двойник нашей Земли, мир «Двух сердец» — это сплав магии и технологий, где встречаются, казалось бы, совершенно несовместимые начала.

«Новые районы появлялись из ниоткуда всего за одну ночь, старые точно так же исчезали в никуда прежде, чем солнце успевало разогреть асфальт под ногами. Дио сам не раз видел, как начинали дрожать, словно в густом, раскаленном мареве летнего зноя целые городские кварталы, и всего через несколько часов на месте домов повисала непроглядная тьма. Через день-два, когда морок рассеивался, часть города преображалась до неузнаваемости».

Этот кошмарный мир кажется забытым Новыми Богами Упорядоченного, Хедином и Ракотом.

Зато его не забыли слуги Хаоса. Что может быть лучше для них, чем подобные мирыруины, где обитатели должны проклинать самое свое существование, не думая ни о чем, кроме лишь того, чтобы пережить еще один день и еще одну ночь, сами не ведая, для чего?

Именно здесь мастер Лек начинает создавать своих тварей, леканов, соединяя живую плоть и причудливые механические устройства, скрепляя все это магией (или Словом, как называют это простые смертные). В самом деле, что может быть лучше для слуг Хаоса, чем такой вот мир, вернее, страшная на него пародия, где остался лишь один закон «умри ты сегодня, а я завтра»? Именно здесь можно вербовать себе сторонников, и несчастные пойдут за ними с радостью, потому что даже малейший шанс выбраться отсюда лучше, чем «ужас без конца».

В этом мире пытка — даже призрачное видение иной, привычной нам жизни. Оно терзает и мучает, и для главного героя, Дио, становится первым шагом. До того он — простой охотник, один из многих, живущий по звериным законам постоянно разрушающегося и восстанавливающегося в совсем ином виде города. Все — или почти все — является добычей. Брезент. Измененная чародейством тварь. Красивая девушка в ярком платье, невесть откуда взявшаяся среди развалин, и говорящая, будто она из какого-то «Северокаменска». Сильный не спрашивает, он берет.

«Ведь как же можно иначе?»

И рядом, совсем рядом — вкрадчивый Хаос, могущественный Хаос, но в то же время — пугающий и отталкивающий. Плетущий искусную паутину слов, где ложь мешается с правдой и служит лишь орудием уловления слабых. Или тех, кто отчаялся, потому что отчаяние — тоже слабость. Но что может противопоставить этим посулам тот, кто вырос без нравственного закона, у кого вера — в приход Губителя, который разом положит конец всему? У Дио нет надежды, нет веры в справедливость или хотя бы посмертное воздаяние. В чем-то он сам подобен своим самым страшным врагам, некроволкам, созданным гением мастера Лека. Он выживает просто потому, что выживает.

Порой это куда проще, чем думать, чувствовать и сострадать. Ведь есть универсальное, на все случаи жизни оправдание: «все вокруг такое, все вокруг такие». Все плетут интриги, даже среди самих слуг Хаоса нет единства, нет одной железной воли — быть может, потому, что тогда не станет и самого Хаоса?

Дио предстоит отыскать закон в самом себе.

Ник Перумов

Моему брату Максиму

С благодарностью за помощь, поддержку и терпение участникам мастер-класса Ника Перумова и его Мастеру, Николаю Даниловичу

Глава 1

В час между собакой и волком, когда улицы еще светлы, а стены домов уже отбрасывают глубокую тень, по широкому проспекту Города шли двое. Шаг их был скор, ноги, казалось, не замечали ни пустых провалов открытых канализационных люков, ни глубоких трещин во вспоротом корнями деревьев асфальте. Взгляды скользили по темным проемам окон.

- Клянусь днем возвращения Губителя, тихо пробормотал тот, чье лицо, еще совсем юное, было обезображено следами ожогов, иногда мне кажется, они нарочно устраивают свои игры так поздно в ночь.
 - Заткнись, ответил второй так же тихо, заткнись и поторапливайся.

Второй казался старше. Возможно, причиной тому был жесткий, внимательный прищур светло-серых глаз. Но и второму нельзя было дать больше двадцати пяти лет.

Они еще прибавили шагу, опасаясь, впрочем, сорваться на бег. Но когда путь им перегородил брошенный посреди улицы грузовик, оба невольно остановились. Машина стояла чуть наискось. Приплюснутая морда грузовика смотрела прямо, но длинный прицеп развернулся во всю ширину дороги. Громко хлопало на ветру незакрепленное полотнище тента. Если бы не разутые колеса, можно было бы подумать, что машина, резко затормозив, долго шла юзом.

- Еще вчера его здесь не было, прошептал первый, поглядывая на грузовик с опаской.
- Это еще ничего не значит, ответил второй, напряженно всматриваясь в непроглядную темень меж высоким бортом машины и развевающимся брезентовым краем. Он мог появиться здесь только что...
- Тогда валим отсюда. Уроды придут забрать тент... Вопреки сказанному он не шелохнулся.
- Солнце садится, второй вынул нож из ножен на поясе. Лезвие было зачернено сажей. Никто не сунется сюда до рассвета. Лековы твари, сам знаешь...
- Дио! почти крикнул первый, когда его спутник шагнул к грузовику. Дио! Стой! Схватив за плечо, он зашептал скоро и жарко, склоняясь к самому уху. Ты совсем спятил? Идем! Последним Днем умоляю, уходим отсюда!
- Сдрейфил? Дио сбросил ладонь с плеча. Потная, та соскользнула легко. Тут брезента квадратов сорок, не меньше. Нового, абсолютно целого брезента...

Дио снова пошел вперед, осторожно, кошачьим крадущимся шагом ступая по серому полотну асфальта. Сгущавшиеся сумерки скрадывали детали машины. Лишь подойдя совсем близко, Дио увидел матово блестящие лужицы масла и ошметки резины там, где Уроды срезали с грузовика шины. Кабина была пуста. Вынуты сиденья, лобовое стекло, дверцы, зеркала, фары. Остался один лишь остов. Уроды сняли с машины все, вплоть до эмблемы с решетки радиатора. На ее месте красовалось темное, едва различимое в сумерках пятно. Но что-то спугнуло их... Рядом, всего в нескольких шагах, трепетало тяжелое брезентовое полотнище. Конец крепежного шнура вяло извивался по асфальту. Дио постоял еще чутьчуть, прикрыв глаза и напряженно вслушиваясь в то особое, леденящее чувство опасности, что не раз выручало его прежде. Со стороны могло показаться, будто он всматривается в темное нутро прицепа, силясь разглядеть там что-то. Но на самом деле он всматривался в себя. Медленно тянулось время. Шуршал брезент, веревка стукала о борт грузовика, где-то

далеко позади переминался с ноги на ногу Жженый, ветер гнал вдоль по улице пыль и мелкий мусор, из подвала ближайшего дома доносился крысиный писк... Выдохнув, Дио открыл глаза. Спрятав нож в ножны, он дал знак Жженому и принялся спешно высвобождать брезент из креплений. Проходя сквозь металлические кольца, шнур издавал пронзительный свист и больно бил по пальцам, когда Дио пытался придерживать его. Работая в четыре руки, они быстро сняли тент.

— Спрячем в подвале, — говорил Дио, скатывая, прижимая коленями к земле толстую, неподатливую ткань тента.

Жженый бросил быстрый взгляд на обочину. Там, сливаясь в сплошную темную стену, высились длинные пустые многоэтажки. Поблескивало битое стекло окон. Руки, затягивавшие петлю шнура на плотном бочкообразном свертке, замерли на минуту.

— Жженый! — прошипел сквозь зубы Дио, чувствуя, как расходится под ладонями скользкая ткань.

Тот вздрогнул. Коротко кивнул и, намотав шнур на кулак, потянул на себя, перебросил в петлю, затягивая узел. Дио выдохнул, почувствовав, как уходит напряжение с плеч.

- Понесли? Жженый присел напротив, приподняв свободный конец свертка.
- Давай, ответил Дио. Подхватил брезент со своей стороны и сделал шаг туда, где всего несколько минут назад слышался крысиный писк.

Мелко семеня, пригибаясь, скорее из опасения быть увиденными, чем из-за тяжести свертка, они быстро пересекли широкий проспект, нырнув в отбрасываемую деревьями тень. Упруго ударила по коленям разросшаяся сорная трава, прошелестел полиэтиленовый пакет, запутавшийся в высоких стеблях. Асфальт перед домом был усыпан битым стеклом. Они постояли немного, прежде чем ступить в это мелкое крошево. Под подошвами неприятно заскрипело. Жженый выругался сквозь зубы: грязно и зло. Дио молча потащил брезент к угольно-черному провалу подъезда, и, увлекаемый тяжелым кулем, Жженый невольно двинулся следом. Они вошли внутрь. Сорванная с петель дверь в подвал валялась тут же. Дио прошелся по ней. От далеко разнесшегося в пустом и гулком помещении звука по плечам пробежала невольная судорога. Меж лопаток скользнуло долгожданное ощущение опасности. Навстречу ему поднялась, давя на грудь, не давая вздохнуть глубже, волна возбуждения. Вскинув взгляд, Дио посмотрел на Жженого. Слабый, рассеянный свет ночи, падавший в приоткрытую дверь подъезда, освещал того со спины, вырезая во мраке еще более темный силуэт. Но даже в этом аспидно-черном сгустке Дио ясно различил страх. Плотный, тугой комок, сжавшийся где-то под сердцем, тот источал резкий сладковатый запах, чем-то похожий на запах гниения. Запах жертвы — приманка охотника.

— Сюда, — шепнул Дио одними губами, начиная спуск в подвал.

Он ступал осторожно: ноги скользили по мусору. Внезапно потяжелевший брезент тянул вниз до нестерпимой боли в суставах. Хотелось передохнуть, хоть на минуту освободиться от ноши. Лишь ощущение опасности, нарастающее с каждой секундой, позволяло переносить боль. Последние шаги дались ему с трудом. Жженый шел, почти не придерживая свертка, весь сконцентрированный на поглотившем его страхе. Лишь выйдя спиной вперед из узкого и тесного лестничного пролета в сырое и просторное подвальное помещение, Дио почувствовал некоторое облегчение. Не сговариваясь, они опустили брезент прямо у входа. Дио оглянулся, но ничего не увидел. В подвале царила абсолютная тьма.

— Я зажгу огонь, — прохрипел Жженый, и Дио почувствовал, как пересохли его собственные губы.

— Нет, — ответил Дио, — здесь картон, сейчас накинем и сразу уйдем.

Он сделал пару шагов назад, не полагаясь больше на зрение, веря лишь тому всепоглощающему сложному чувству, что охватывало его всякий раз в минуты смертельной опасности. Вынув нож из ножен на поясе, он присел, коснувшись пальцами грязного пола. Прикрыл веки, вслушиваясь точно так, как он делал это там, у разобранного трака.

- Дио? позвал Жженый. Дио? прошептал он тише, когда ему никто не ответил. А тот замер, всем своим телом ощущая, как, бесшумно ступая, крадется мимо него, привлеченная сладковатым запахом страха, Смерть. Дио? повторил Жженый, увидев перед собой ее тень.
- Я здесь, ответил Дио, ныряя вперед. Лезвие ножа рассекло сухожилия на ногах твари.

Та рухнула без единого звука, но, даже падая, она провернулась вокруг своей оси, пытаясь достать Дио. Он отскочил, почуяв встречное движение воздуха. Замер, до рези в глазах всматриваясь в непроглядную тьму перед собой.

- Дио? Голос Жженого сел до сиплого шепота.
- Огонь, ответил Дио, зажги огонь.

Послышался шорох, Жженый шарил по карманам в поисках зажигалки. Наконец раздался характерный звук прокручиваемого колесика, засверкали искры и разгорелся слабенький огонек. Голубоватое пламя едва подсветило обезображенные шрамами ладони. Огонек задергался и потух — у Жженого дрожали руки. Дио терпеливо ждал, и когда зажигалка снова щелкнула, выпуская длинный, извивающийся язык пламени, стало видно смутные очертания фигуры, неподвижно замершей между ними.

Тварь лежала скрючившись. Остро выпирали лопатки худой, костлявой спины, четко вырисовывались шейные позвонки — тварь пыталась спрятать голову в колени, но одна нога, неестественно вывернутая, полностью потеряла свою подвижность. По второй пробегала крупная дрожь. Разношенный ботинок возил по полу, подгребая цементную пыль и мелкий мусор. Широкий кожаный ремень поддерживал то, что осталось от брюк. Дио присел, всматриваясь. Жженый тоже опустился на колено, поднеся огонь ближе.

- Аккуратнее, сказал Дио, зная, что даже временно обездвиженная тварь может быть смертельно опасна. Но раненый лекан не пытался напасть. Не издавая и звука, он обеими руками старался подтянуть ноги к груди.
 - Дикий, прошептал Жженый, кивая на лохмотья.
 - Да, ответил Дио, раздумывая, как бы ему обездвижить тварь окончательно.
 - Отдашь его Мясникам? спросил Жженый. Его голос звучал возбужденно.
 - Да, повторил Дио, бросив на приятеля заинтересованный взгляд. Тебе-то что? Прежде чем задать следующий вопрос, Жженый провел языком по губам.
 - Сколько они дают за такую тварюшку?
 - Много. Дио усмехнулся, сообразив, куда тот клонит.
- Дио, слушай, Дио, я давно хотел... Проклятье! Увлекшись, Жженый не заметил, как раскалилась зажигалка в его руках. Моргнув, огонек погас, вновь погрузив подвал в абсолютную тьму. Именно в этот момент лекан распрямился, всю силу вложив в этот недопрыжок. Сдавленно захрипел Жженый. Не полагаясь на зрение в глазах плясали цветные пятна, Дио метнулся туда, где должны были быть подергивающиеся ноги твари. Руки тронули холодный цемент пола, он потянулся дальше, хватая чуть теплую лодыжку. «Живой!» машинально отметил Дио, что есть силы дергая тварь на себя. По ушам резанул

пронзительный визг. Лекан выпустил свою жертву, забившись от невыносимой боли. От неожиданности Дио и сам разжал пальцы, отшатнувшись. Инстинктивное движение спасло ему жизнь. С невероятной силой отброшенный прочь, Дио упал, ударившись головой, прокатившись по грязному полу.

— Заткни! Заткни его! — крикнул Дио, понимая, что не перекроет этот дикий, нечеловеческий визг, и сам метнулся обратно, где в кромешной тьме бился, агонизируя, еще более темный сгусток.

Ему хватило пары ударов по раненой ноге твари, чтобы та окончательно смолкла, наконец отключившись.

— Жженый? — спросил Дио, вытирая натекавшую на глаза кровь.

Ему ответил сдавленный хрип.

- Жив, удовлетворенно проговорил Дио, снимая с пояса кусок тонкого прочного жгута, скручивая за спиной локти твари, нещадно выворачивая их из суставов. С трудом управляясь с обмякшим, ставшим невероятно тяжелым телом, Дио слушал, как возится, хрипя и кашляя надсадно, Жженый.
 - Огонь, бросил Дио, закончив, ради Последнего Дня, найди уже свою зажигалку.

Когда во тьме подвала вновь забился слабенький язычок пламени, Дио смог наконец рассмотреть тварь, недвижно лежавшую перед ним. То, что было когда-то молодым худощавым мужчиной, почти утратило человеческие черты. Бритый череп, просверленный в нескольких местах, пестрел металлическими заплатами. В глазницах слепо ворочалось то, что можно было лишь с натяжкой назвать глазами. Лишенные век стеклянные шары обладали тем не менее способностью видеть. Они видели лучше, чем самый зоркий человеческий глаз. Тело, испещренное шрамами, подсказывало: там, под кожей и мышцами, прячутся другие механизмы мастера Лека. Желудок, способный переваривать любую пищу, легкие, снабжающие владельца кислородом даже там, где нечем дышать, сердце, бьющееся всегда ровно и размеренно, как раз заведенный механизм... Дрожь прошла по плечам Дио. Многие люди в Городе были готовы платить Мясникам, чтобы те вживили им подобные органы. А Мясники охотно платили Дио за каждого очередного «донора». Слишком слабые, чтобы стать настоящими мастерами Слова, способными создавать удивительные механизмы и сращивать их с живой и мертвою плотью, Мясники пользовались тем, что создавал в своих лабораториях мастер Лек и его подмастерья.

Этот лекан — грязный, истощенный и ослабленный — бежал от своих хозяев. Вышедшая из подчинения тварь. Дио не мог поверить, что им удалось поймать живого одичавшего лекана. Редко кто оставался в живых после встречи с ними.

Жженый захрипел. Огонек в его руках снова потух — маленькая зажигалка слишком быстро перегревалась и начинала жечь пальцы. Когда-то у Дио тоже была такая. Потом она перестала работать, и Дио просто выбросил ее.

— Я отдам тебе треть выручки, если поможешь дотащить его до места, — сказал Дио, приподнимая лекана под мышки. Едва теплая поначалу тварь теперь показалась ему обжигающе горячей. — Хватай за ноги. — И почувствовав, что Жженый топчется на месте, не решаясь подойти к существу, едва не отправившему его на встречу с Губителем, Дио добавил: — Может, Тесак посмотрит, что с твоим горлом...

Но даже вдвоем им с трудом удалось выволочь тварь из подвала. Впав в полузабытье, та трепыхалась слабо, пытаясь вырваться. Они оскальзывались на засыпанных мусором ступенях, и приходилось часто останавливаться, опираясь о сырые, усеянные каплями конденсата стены.

Когда они выбрались наконец наружу, тьма окончательно сгустилась над Городом, накрыв его, словно вороново крыло. И лишь в вышине ярко сверкали звезды. После тьмы подвала свет их был нестерпим. Они шли от дома, пригибая головы, под подошвами громко хрустело битое стекло.

— Тяжелая тварь, — сказал Дио, когда они вынесли бесчувственное тело на широкую полосу шоссе. — Клади его здесь.

Жженый просто разжал ладони. Ноги твари стукнули по асфальту. Та застонала громче, но так и не очнулась. Колено той ноги, которую Дио повредил больше, неестественно сместилось и стремительно опухало. Вторая нога выглядела немногим лучше. Дио тихонько выругался. Этот лекан был слишком слаб, а может и болен, чтобы излечить себя собственной магией. Это сыграло им на руку там, в подвале. Дио не раз видел, как самые тяжелые раны на теле тварей затягивались почти моментально. Созданные как непобедимые бойцы, те обладали удивительной способностью к регенерации. Дио вспомнил, как лекан подтягивал колени к груди, словно пытаясь руками соединить разорванные ткани, вправить вывихнутые из сумок суставы.

- Плохо дело, Жженый, сказал Дио, поудобнее перехватывая тварь. Боюсь, за этот кусок мяса Тесак не заплатит много, а может, и вовсе не даст ничего.
- Этот кусок мяса, Жженый совладал наконец с собственными связками, его голос скрипел как несмазанное тележное колесо, едва не стоил мне жизни... Тесак заплатит.
- Другое дело, ответил Дио, улыбнувшись, и они потащили тварь прочь от перегородившего проезжую часть грузовика.

Тесак — его звали так не потому, что тела своих жертв он разделывал огромным мясницким ножом. Нет, как и любой уважающий себя мастер Слова, он предпочитал ювелирную работу скальпелем. Его прозвали «Тесак» за привычку резать правду в глаза.

Логово Мясников располагалось неподалеку, но до места они добрались далеко за полночь. Впавшая в забытье тварь, казалось, была тяжелее брезентового свертка. Температура ее тела поднялась еще выше, и прикосновения к сухой горячей коже вызывали невольную дрожь. Ее колени распухли, посинев, черные круги очертили глазницы, запекшиеся губы разомкнулись, обнажив ряд идеально белых и ровных зубов, сделав лицо похожим на череп. Дио боялся, что до места они дотащат уже труп. Но когда Тесак отворил массивную стальную дверь, пропуская их в глухое подвальное помещение цокольного этажа заброшенной высотки, на берегу городского пруда тварь еще подавала признаки жизни. Попав с темноты на яркий свет, она снова забилась в агонии — сверхчувствительные «глаза» среагировали на раздражитель. Дио сдавленно выругался — резкое движение твари отдало острой болью в затекшие плечи.

Не задавая лишних вопросов, Тесак щелкнул выключателем, гася свет, и, включив налобный фонарь, провел их дальше — в освещенную красными лампами операционную. Тварь затихла, позволив зафиксировать себя на столе. Дио огляделся: красный свет бросал кровавые отсветы на белый кафель стен. Работающие вентиляторы гнали прохладный воздух по коробам воздуховодов. Волосы на руках поднялись дыбом, и Дио ретировался в предбанник, где весело плясал живой огонек спиртовки и по выпуклым бокам колб метались причудливые тени. Жженый, никогда раньше не видевший логова Тесака изнутри, следовал за Дио по пятам. Сквозь распахнутую настежь дверь они смотрели, как Тесак колдует над тварью.

Осмотр не занял много времени: датчики, надетые на пальцы Тесака, словно наперстки, и соединенные тонкими проводками с механизмами на его запястьях, почти мгновенно, за одно прикосновение, снимали основные медицинские показания: температуру, частоту пульса и дыхания и Новые Боги знают что еще. Очки-консервы в широкой кожаной оправе, закрывавшие пол-лица, тоже были механизмом, созданным мастером Слова. Инструмент, подобный стеклянным глазам лекана, но более грубый, не способный заменить собой живую плоть. Эти очки Тесак носил почти не снимая, и мало кто мог бы сказать, какого цвета глаза скрываются за ними. Иногда Дио думал, что там уже вовсе нет никаких глаз... Когда осмотр был окончен, Тесак выбрал шприц из миски на передвижном медицинском столике рядом и вколол умирающей твари лошадиную дозу какого-то едко-желтого раствора.

— Твой товар плох, — сказал Тесак, выходя из операционной и вытирая руки отрезом сероватого после многочисленных стирок полотна. Бросил его на заставленный металлическими мисками и стеклянной тарой стол. Скрестил руки на груди, уставившись куда-то в стену. Очки-консервы, закрывавшие пол-лица, не позволяли понять, о чем тот задумался.

Дио хмыкнул, ожидая, что еще ему скажет лучший Мясник Города, какова будет окончательная цена за добытого с таким трудом лекана.

- Эта тварь... мое горло... Слова и так все еще давались Жженому с трудом, а поднявшееся возмущение снова сделало его речь совсем неразборчивой.
 - Заткнись, Жженый, бросил Дио.

Привыкший беспрекословно подчиняться приказам, Жженый закашлялся на полуслове. Кашлял долго, надсадно, прижимая ладони к груди, пока Тесак не смешал ему какое-то пойло.

— Он очень плох, — продолжил Тесак, осматривая шею Жженого, на которой синими пятнами уже проступили следы пальцев лекана. — Может быть, не переживет этой ночи.

Дио глубоко втянул ноздрями пахнущий лекарствами воздух. Стало ясно: он ничего не получит за эту, стоившую им кучу времени и нервов, тварь. Но Тесак пожевал губами и спросил вдруг:

- Скажи-ка, Дио, не попадались ли тебе такие твари раньше?
- Ты б знал, ответил Дио, подобравшись невольно. Меж лопаток пробежал неприятный холодок. Лишь раз он продал свою добычу другому Мяснику и надеялся, что эта сделка не выйдет ему однажды боком. Но Тесак явно думал о чем-то другом.
- A, да, он рассеянно похлопал себя по карманам, слушай, Дио, я дам тебе за этого двойную цену и еще столько же, если найдешь второго такого.

Жженый, шумно сглатывавший питье и морщившийся при каждом глотке как от зубной боли, замер.

- Зачем? не смог удержаться от вопроса Дио. И тут же пожалел, что не прикусил язык вовремя. Но Тесаку явно хотелось поболтать с кем-нибудь, и деньги его сегодня совершенно очевидно не интересовали.
- Понимаешь, Дио, ответил Тесак, вынимая из заднего кармана до дыр протертых джинсов металлический портсигар и щедро протягивая открытую жестянку собеседнику, эта тварь, она другая, не похожая на те, что Лек создавал раньше... Ты говоришь, она оттолкнула тебя с нечеловеческой силой?
- Да, ответил Дио, беря одну из двух оставшихся в портсигаре сигарет. Не ожидал от нее такой прыти… Лоб разбил в кровь.

Тесак вскинул заинтересованный взгляд, и Дио ладонью приподнял падавшие на глаза русые волосы, позволив тому рассмотреть затянутую свежей корочкой ссадину.

- Жить будешь. Вынув вторую сигарету, Тесак постучал ею о крышку портсигара. Дио увидел затертую, но еще различимую картинку: два стройных дерева с разлапистыми листьями на макушке и красный полукруг заходящего солнца за ними. Но то, что она сотворила с шеей твоего приятеля... Понимаешь, Дио, промычал Тесак невнятно, раскуривая сигарету от стоявшей на столе спиртовки, я учился у Лека, я знаю, как он работает. Я знаю, на что способны его твари. Они неуязвимы, да, но не превосходят по силе обычного человека. С видимым наслаждением Тесак сделал первую затяжку, а Дио заправил свою сигарету за ухо. Идеальные бойцы: бесстрашные, исполнительные и преданные...
- Тупые, безмозглые твари, резюмировал Дио, заполнив повисшую паузу, подтолкнув Мясника к дальнейшим разглагольствованиям.
- Да, спокойно согласился Тесак. Ничто так не подстегивает мышление, как страх за свою жизнь.

На этот раз Дио благоразумно промолчал. Не хотелось лишний раз обижать Жженого. День у того и так не задался.

— Негибкие, не учитывающие меняющихся обстоятельств, они вечно прут напролом и попадают в ловушку собственной предсказуемости. Скажи-ка, Дио, как быстро ты научился ловить этих тварей?

Усмехнувшись, Дио сунул руки глубоко в карманы.

— Я оставлю при себе свои профессиональные тайны, — ответил он, не желая признаваться, что первая пойманная им тварь едва не отправила его на тот свет и лишь необъяснимая случайность, то, о чем Дио не рассказывал никогда и никому, спасла ему жизнь, превратив из жертвы в охотника.

Кивнув понимающе, Тесак стряхнул пепел в стеклянное блюдце, которое он почему-то всегда называл чашкой Петри.

— Бесспорно, Лек сумасшедший. Но он гениален, и с этим тоже нельзя поспорить. Сначала начали появляться дикие, вышедшие из повиновения твари, теперь ты поймал лекана, не обладающего и сотой долей той способности к регенерации, какой обладают его собратья, зато наделенного нечеловеческой силой... Лек экспериментирует, и я хочу знать, что он задумал.

Стало ясно, почему Тесак оценил эту тварь так дорого. Отвергнутый ученик лучшего из мастеров Слова, признанный негодным к дальнейшему обучению, неспособный собрать простейшего меха, обреченный вечно пользоваться тем материалом, который удавалось увести из-под носа бывшего учителя, Тесак был по-своему амбициозен. Потерпев неудачу в одном, он не отчаялся, но начал искать обходных путей. Он изучал живую плоть — по книгам, за которые всегда готов был платить, и по живым образцам, за которые платил еще больше. В Городе не было врача лучше. Ему первому удалось, не владея мастерством Слова, пересадить созданные Леком искусственные органы от одного носителя другому. Именно он стоял у истоков стремительно развившегося бизнеса, одну из цепочек которого вот уже несколько лет обслуживал Дио.

Тесак оставил их у себя на ночь. Добираться домой по улицам ночного города было слишком опасно. Привыкший моментально засыпать в любых условиях и при любых обстоятельствах, Дио до утра не мог сомкнуть глаз. Он слушал сдавленные стоны

умирающей твари, тихое бормотание Тесака, запершегося в операционной, и хрип, вырывающийся из поврежденного горла Жженого. Его приятель спал. Слишком простой, чтобы задумываться о том, как стремительно меняется мир вокруг, он радовался нежданно привалившему богатству и младенчески улыбался во сне.

Глава 2

Город жил своей жизнью. Мертворожденное дитя странного мира. Смотрел вокруг пустыми глазницами выбитых окон, щерился щербатыми провалами сорванных с петель дверей. Рушились, рассыпаясь под натиском пробивающейся сквозь асфальт травы, дома, но на их месте скоро появлялись новые — такие же пустые, заброшенные, находящиеся на грани разрушения. Никогда нельзя было ручаться, куда выведет тебя хорошо знакомая улица, а покинув место ночлега, можно было не найти его на следующий день. Новые районы появлялись из ниоткуда всего за одну ночь, старые точно так же исчезали в никуда прежде, чем солнце успевало разогреть асфальт под ногами. Дио сам не раз видел, как начинали дрожать, словно в густом раскаленном мареве летнего зноя, целые городские кварталы, и всего за пару часов на месте домов повисала непроглядная тьма. Через день-два, когда морок рассеивался, часть города преображалась до неузнаваемости. Но чаще все происходило гораздо быстрей — практически моментально. Вздымалось огромное облако пыли, глухой, протяжный стон просевшей земли разносился на многие километры вокруг, и новый квартал занимал место старого, в прах растаптывая и его, и всех, кому не повезло очутиться в точке смешения.

В эти зоны, нестабильные и оттого смертельно опасные, первыми приходили Мародеры. Их легко можно было отличить по респираторам и защитным очкам вполлица. И без того невысокого роста, они стремительно передвигались с места на место, низко пригнувшись, почти касаясь земли длинными жилистыми руками — будто высматривая что-то у себя под ногами. Словно «крысы», они создавали гнезда и волокли туда все, что только удавалось найти в развалинах: пищу, одежду, инструменты, оружие, книги... Выждав немного, банды разграбляли эти склады, изгоняя Мародеров дальше — в новые кварталы, на поиски новой добычи. И этот вечный хаос, в котором ничто не оставалось неизменным, составлял основу Города, был его миропорядком.

Но одной весной несколько лет назад все вдруг пошло иначе.

Когда стаял долго лежавший на улицах снег, а ручьи вымыли грязь с тротуаров, на короткое время очистив Город от мусора, разнеслись слухи о новых людях, появившихся на восточных его окраинах. Чужаки и раньше вторгались в Город из леса, но никогда еще число их не было столь велико. Пришлые называли себя слугами Схарма и поклонялись ему как богу, устраивая игрища в его честь. Именно эти жестокие и кровавые бои, вход на которые был открыт каждому, и позволили им закрепиться в Городе. Они нашли свою нишу и заняли ее, не претендуя ни на добычу Мародеров, ни на территории банд. Они стали посредниками между теми и другими, введя в обращение деньги и начав покупать товары одних и услуги других. Однако жизнь в Городе не стала спокойней. Схарматы привезли с собой мастера Лека, величайшего из мастеров Слова, а вместе с ним город наполнили и его твари. И если мехи, живые механизмы, созданные обычными мастерами Слова, были привычной, хотя и дорогой игрушкой, то твари Лека — измененные его искусством живые и даже мертвые существа — вселяли страх. Практически неуязвимые, они не задумываясь убивали, повинуясь приказам своих хозяев. Схарматы часто выпускали тех на арену, и редко кому удавалось против созданных Леком тварей. Бесстрашные, обладающие способностью к регенерации, они дрались, покуда позволяло тело, и если хотя бы один палец твари оставался цел, она использовала его как оружие.

Дио хорошо помнил день, когда впервые увидел тварь. Он точно так же пришел на игры вместе со Жженым. Они хотели взглянуть на людей, слухами о которых вот уже много месяцев полнился город. Подогревая толпу, готовя ее к главному действу, схватку на арене открыли приговоренные к смерти преступники — схарматы охотно освободили обитателей Города от тяжкой необходимости казнить своих.

Вид людей, убивающих друг друга на арене, наполнял сердце странными чувствами. Действо, так хорошо знакомое по многочисленным уличным схваткам, действо, участником которого не раз выступал и он сам, став представлением, обрело некий иной, сакральный смысл. Первый увиденный бой вымотал Дио так, будто он сам танцевал на песке, уходя от ударов противника, катался по земле, пытаясь укрыться от настигающей его стали, полз, истекая кровью, прочь от убийцы... Но то, что случилось после, не шло с этим ни в какое сравнение. На выживших натравили тварей Лека. Люди, только что с отчаянием дравшиеся за свою жизнь, впадали в оцепенение при виде механизированных мертвецов. Те двигались с нечеловеческой рациональностью живых машин, одержимых убийством. Их практически невозможно было остановить. Лишь приказ, отданный мастером Слова, спас от смерти ту горстку бойцов, что, отчаявшись сохранить свою жизнь, решила по крайней мере продать ее подороже.

Последними на арену вышли мертвые волки. Воплощение животной ярости, они были полностью лишены холодной рациональности, которая отличала механизированные трупы людей. Они, казалось, убивали не по приказу, но из желания утолить жажду крови. Живым с арены не ушел никто. Тогда Дио впервые подумал, что эти люди, пришедшие в Город как гости, станут однажды его хозяевами.

Он не ошибся. Жизнь в Городе с приходом схарматов изменилась и продолжала меняться день ото дня.

Дио не сомневался: однажды эти изменения коснутся и его. И хотя он предпочел бы, чтобы это произошло скорее позже, чем раньше, жизнь научила его готовиться к худшему.

К утру лекан действительно умер. Тесак, изможденный долгою ночью, проведенной сначала в попытках спасти лекана, а затем — за его вскрытием, молча проводил их до двери. Отодвинул тяжелые засовы и выпустил в сырое, промозглое утро. Солнце еще не взошло достаточно, чтобы развеять серый сумрак на улицах. Но в это время суток Город уже был относительно безопасен. Сунув мерзнущие руки глубоко в карманы тонкой кожаной куртки, Дио зевнул: мучительно хотелось спать.

— Заберем брезент? — спросил он Жженого.

Судорога прошла у того по плечам, но он кивнул. В кармане у них позвякивали монеты, вырученные за добытого лекана, и не стоило пренебрегать нежданной удачей, пока та сама не повернулась к ним спиной.

До подвала они бежали рысцой — нужно было успеть управиться, пока на улицы не вышли Уроды, контролировавшие этот сектор города. Но все же Дио немного задержался, чтобы осмотреть подвал. Как он и предполагал, пойманная ими тварь восстанавливала там свои силы: в дальнем углу нашлись полуобглоданные трупики «крыс». Жженый с видимым отвращением смотрел на грязные, окровавленные шкурки.

- Тварь, прошептал он еле слышно.
- Да, ответил Дио, понимая, что именно представляет себе сейчас Жженый.

После они работали споро и быстро: соорудили переноску из позаимствованных у Тесака ремней и почти бегом поволокли тяжелый брезентовый сверток прочь из опасных

кварталов, туда, где улицы Города контролировала их банда, банда Губителей.

На сегодня это была западная его оконечность, крупная территория, примыкающая к огромному, вытянутому с юга-востока на северо-запад озеру. Многоэтажные здания сменялись там длинными приземистыми ангарами, пустыми складами и заброшенными заводскими цехами. И хотя в этих узких железных пеналах трудно было найти хоть какое-то пропитание, слуги Схарма платили неплохие деньги за поиск работающих механизмов и банда не спешила покидать этот участок.

Здесь же пролегала чудом сохранившаяся ветка железной дороги. Проложенная достаточно близко к берегу озера, она избежала многочисленных смещений реальности, постоянно изменяющих лик города, и позволяла контролировать большой участок территории, быстро перебрасывая людей с одного конца ветки на другой.

Дио рассчитывал, что их подвезет одна из дрезин, что постоянно курсировали между базами Губителей, но его ожидания не оправдались. Первая сторожевая база была пуста. Они вышли к железнодорожному полотну, когда солнце уже жарило вовсю. Бросили тяжелый сверток прямо на растрескавшийся асфальт. Жженый скинул куртку, повязал ее вокруг пояса и отер лоб рукавом рубашки. Пот заливал глаза. Дио почувствовал, что и его рубашка неприятно липнет к телу, но еще неприятнее была эта неожиданная пустота вокруг. Они снова взялись за ремни переноски, двигаясь на этот раз медленнее и осторожнее, стремясь не выходить из-под сени деревьев, густо разросшихся у юго-восточной оконечности озера. Но уже через пару сотен метров их остановили.

— Стоять, — послышался незнакомый голос.

Они послушно замерли на полушаге, зная, что те, с кем нельзя договориться, убивают сразу, без предупреждения.

— Это Жженый, — ответили откуда-то сбоку. — Человек из банды Скала.

Дио молча порадовался. В этот раз приметная внешность Жженого сыграла им на руку, избавив от лишних вопросов. Говоривший вышел из полуразрушенного кирпичного здания. Странный круглый дом с проржавевшей жестяной крышей не был жилым. Большую часть его занимали толстые, уходящие под землю трубы да пустые коробы разобранных на запчасти механизмов. Лишенный окон, дом не годился для наблюдения. Губители никогда не использовали его как сторожевой пост. Но говоривший не был часовым. Это был схармат высокого ранга. Облаченный в просторный балахон, он носил на груди массивный амулет на толстой золотой цепочке — восемь перекрещенных стрел.

- Ваша банда ушла отсюда вчера, произнес он, подойдя ближе и рассматривая их без страха, но с явным любопытством. Мы заключили со Скалом договор. Теперь этот район принадлежит нам.
- Куда ушли наши? спросил Дио, не удивляясь неожиданному решению Скала. Деньги, которые схарматы платили за исследование руин, было единственным, что удерживало их здесь.
- В Депо, ответил схармат. И добавил, увидев, как переглянулись Дио и Жженый: Это против правил, но я довезу вас до места. Давно хотел поговорить с кем-нибудь из людей Скала. Он улыбнулся, но глаза его остались холодны.

Дио сдержанно кивнул, понимая: Скал не одобрит его поступок, и осознавая при этом, что отказаться от столь любезного приглашения невозможно. Это приглашение было приказом.

Схармат взмахнул рукой, и просторный рукав его одеяния описал широкую дугу.

— Идемте, — сказал он, без опаски поворачиваясь к ним спиной. Дио и Жженый вновь переглянулись и подхватили свой сверток.

Чем дальше шли они к длинным, километровым ангарам, рядами протянувшимся по-над берегом озера, тем больше людей попадалось им навстречу. Вечно пустые корпуса теперь кишели народом. И далеко не все из них были слугами Схарма. Многие выглядели так, будто прибыли сюда очень издалека: широкие домотканые штаны, грубая обувь и куртки плохо выделанной свиной кожи. От самих ангаров доносились глухие звуки, словно кто-то внутри забивал металлические сваи в упругую, неподатливую землю. Дальше короткими толстыми тумбами упирались в небо три широких заводских трубы. Над одной из них вился белесый дымок.

Схармат шел быстро, не позволяя своим провожатым задержаться хоть на минуту, чтобы пристальней рассмотреть творящееся вокруг, но Дио увидел достаточно, чтобы понять: слуги Схарма нашли способ вернуть к жизни мертвое предприятие. Оно не прослужит им долго: механизмы, появлявшиеся в Городе вместе с развалинами, не принадлежали этому миру. Они стремительно выходили из строя, давали сбои и были порою даже опасны. Чем ближе к точкам сдвига находилась вещь, тем менее надежной она была. Дио любил пугать Жженого, обещая тому, что однажды его зажигалка взорвется прямо у него в руках. Лицо Жженого, обезображенное шрамами от ожогов, бледнело, становясь еще более отталкивающим. Огня Жженый боялся больше всего на свете...

Дио так задумался, что не заметил, как замер внезапно Жженый, и лишь тяжелая ноша, вдруг отдернувшая его назад, заставила Дио поднять взгляд от земли. Всего в нескольких шагах от них, у ручной дрезины, охраняя ее, стояли два лекана. Дио обернулся к приятелю и увидел, как остекленел его взгляд, а свободная рука трогает горло.

— Жженый, — позвал Дио тихо, боясь, как бы его не услышал схармат. — Спокойно, Жженый. Я здесь.

Эти слова, произнесенные мягко, успокаивающе, удивили его самого. Они никак не вязались с тем бесконечным презрением, что он испытывал к Жженому, к страхам, довлеющим над ним. Но сейчас он и сам боялся того, что слуга Схарма заметит их замешательство, догадается о ночной схватке с дикой тварью. Дио чуть потянул переноску, заставляя Жженого выйти из ступора, сделать наконец шаг к неподвижно замершим у дрезины тварям.

Выдохнув шумно, Жженый пошел словно завороженный, не сводя взгляда с леканов. В отличие от твари, пойманной ночью, те были чудовищно похожи на людей. Высокие длинноволосые парни, непринужденно стоявшие по обе стороны от полотна железной дороги. Обеими руками придерживая висевшие на шее автоматы, они смотрели прямо на них. Этот стеклянный, лишенный всякого выражения взгляд был прекрасно знаком Дио. Искусственные глаза, созданные мастером Леком, обеспечивающие идеальную координацию по каналу глаз — рука, способные прекрасно видеть даже в кромешной тьме, различающие мельчайшие детали на расстоянии километра... Подойдя ближе, Дио заметил пальцы, усиленные металлическими пластинами. Впрочем, подобные перчатки с гибкими сочленениями, защищавшими руку во время боя, делали себе и на продажу многие умельцы, но Дио знал — этот металл искусно сращен с плотью.

— Нравится? — спросил схармат, увидев, как внимательно рассматривает Дио леканов.

Тот сдержанно кивнул, не желая признаваться, что испытывает чисто профессиональный интерес и рассматривает тварей так, как охотник рассматривает

потенциальную добычу. Подойдя вплотную, они закинули брезент на платформу дрезины.

— Прошу, — схармат сделал приглашающий жест, указывая на скамейку, расположенную в передней части механического устройства.

Слегка робея, но даже себе не позволяя признаться в испытываемом страхе, Дио запрыгнул на платформу, и Жженый полез следом, боясь остаться в одиночестве. Слуга Схарма расположился уже, откинувшись на обитую рогожкой спинку и опершись о подлокотник. Дио сел рядом, Жженый едва втиснулся на оставшееся свободным место. Закинув автоматы за спину, леканы заняли места у рычагов. Со страшным скрежетом дрезина стронулась с места. Завертелись, постукивая на стыках рельс, колеса. Высокая сорная трава падала под разгоняющуюся платформу словно подкошенная. Дио захотелось обернуться назад, посмотреть на стремительно убегающие прочь рельсы, но он знал, что увидит там тварей Лека, и потому он тоже откинулся на спинку скамейки, подставив лицо набегающим порывам раскаленного ветра, и постарался расслабиться. Ветер веял полынной горечью и перегретым металлом. Дорога заложила крутую петлю, и по левую руку открылась широкая гладь озера. Дрезина набирала и набирала ход. Справа бесконечной лентой тянулись серые заводские корпуса.

- Не хочешь стать таким же? спросил вдруг схармат, склонившись к самому уху. Дио вздрогнул.
- Что? Повернул голову, заглянув прямо в глаза слуги Схарма, пытаясь понять, не шутит ли он.
- Посмотри на них, тот обернулся через плечо, бросив взгляд на леканов, неутомимы, неуязвимы, бессмертны.
- Почти, ответил Дио, прежде чем догадался прикусить себе язык. Но схармат понял его по-своему. Рассмеялся.
- Конечно, мастер Слова может уничтожить свое творение, использовав Слово Разрушения. Но я ручаюсь тебе, еще ни разу ни один лекан не был убит своим мастером.
 - Они не люди, ответил Дио коротко и слегка невпопад.
 - Как Уроды? спросил схармат, глядя заинтересованно.

Дио задумался, прикидывая, стоит ли злить слугу Схарма, и наконец решился:

— Хуже.

Схармат снова захохотал. Дио понял, что его бесит это неуемное веселье.

- Но помилуй, да чем же? продолжил схармат, отсмеявшись.
- Уроды меняют свое тело, не используя магии, Дио вновь замолчал, надеясь, что его наконец оставят в покое.

Дрезина двигалась очень быстро. Они миновали очередной поворот, обогнув заводские корпуса и начав удаляться от озера. Показались еще три трубы гигантского предприятия. За ними можно было увидеть обрушенные пролеты мостов, соединявших некогда края глубокой балки, по дну которой была проложена железнодорожная ветка. До Депо оставалось всего ничего.

— Почему вы зовете себя Губителями? — с трудом перекрывая ветер и шум дрезины, прокричал схармат, меняя тему.

Дио снова не смог удержаться от удивленного взгляда, но потом напомнил себе, что схарматы — выходцы из каких-то чужих краев — могли и не знать легенд Города.

- Мы ждем предсказанного прихода Губителя. С ним придут последние дни мира.
- А перед его приходом мир наполнят орды смертоносных тварей? спросил схармат

и снова расхохотался, не дожидаясь ответа.

Дио почувствовал, что над ним издеваются, и предпочел промолчать.

Колеса стукнули, сбив на секунду размеренный ритм, — дрезина прошла стрелку, колея нырнула в сложное переплетение железнодорожной развязки. Обзор закрыли многочисленные вагоны, ржавевшие на путях рядом. Леканы, не дожидаясь приказа, сбавили ход. Снайпер Губителей, выставленный в охранение, мог подстрелить пассажиров, не разбираясь, кто именно мчится к ним на такой скорости и зачем. Посты они миновали, даже не заметив их. Когда невдалеке показалась небольшая группа людей, леканы оставили рычаг, позволив дрезине преодолеть последнюю сотню метров самостоятельно. Члены банды, рассевшиеся на железнодорожной платформе, с нескрываемым интересом смотрели на их приближение.

Схармат поднялся вдруг и ловко спрыгнул, зашагал в сторону, туда, где по периметру плацкартного вагона стояла в охранении личная стража Скала. Дио с наслаждением вдохнул густой запах перегретого железа, выветривший из головы все посторонние мысли. С уходом схармата схлынуло напряжение с плеч. Даже пара леканов за спиной не вызывала особого беспокойства. Здесь и сейчас эти твари были неопасны.

Дождавшись полной остановки дрезины, Дио и Жженый принялись сгружать брезент, доставшийся им с таким трудом. Пара человек подбежала помочь — не каждый день стервятники возвращались с такой богатой добычей. Прежде чем уйти, Дио все же обернулся, еще раз пристально посмотрев на леканов, постаравшись хорошенько запомнить их лица, и когда одна из тварей вдруг улыбнулась ему — широко и открыто, — по плечам юноши прошла невольная дрожь. Он поспешил отвернуться, прибавил шагу, чтобы догнать своих.

— И тогда эта тварь схватила меня за горло! — Жженый не терял времени даром, хвастаясь уже ночными приключениями.

Дио невольно поморщился, коря себя за то, что не приказал Жженому помалкивать. Тара, девица, предпочитавшая Жженого всем прочим парням банды, бросила на Дио полный ненависти взгляд.

Тара была проблемой.

Она походила на подростка, не вошедшего еще в возраст — угловатая, узкобедрая, с плоской грудью, — и не нравилась никому из банды. Редко кто брал ее с собой в постель, но добрая половина грязных шуток всегда была направлена в ее сторону. Не слишком сообразительная, она до слез ругалась со своими обидчиками, лишь распаляя тех еще больше. И только Жженый — сам объект постоянных насмешек, которые он, впрочем, сносил с присущим ему добродушием, — не участвовал в этой травле. Она привязалась к нему за это. И люто ревновала Жженого к Дио, всеми силами стремясь разрушить их давнее приятельство.

Дио ощерился зло, окинув девчонку откровенным взглядом. Он спал с ней не раз и не два, беря подчеркнуто грубо и холодно, вымещая свою собственную злость на Жженого. И если Жженый не заткнет свою пасть, он возьмет ее сегодня снова... Жженый запнулся вдруг на полуслове, оглянулся на Дио, будто почувствовал его взгляд, хотя на самом деле он почувствовал острые коготки Тары, впившиеся ему в локоть. Дио улыбнулся шире, и Жженый, смешавшись, поспешил завершить свой рассказ:

— В общем, скрутили мы его и отволокли Мясникам для разделки...

Они зашли в длинный открытый ангар, где расположилась практически вся банда.

Просторное пустое помещение, вероятно, использовалось когда-то для ремонта составов: рельсы пронизывали его насквозь. Через настежь распахнутые ворота под крышу залетали голуби. С балок, по которым когда-то передвигался неработающий теперь кран, раздавалось воркование и шорох перьев. Прямо на цементном полу полыхал разложенный костер, над ним, приподнятая на кирпичах, стояла бочка. Одна из женщин варила уху. Другой еды в этом районе города было попросту невозможно найти. Губители, привыкшие отбирать пропитание, а не добывать его самостоятельно, возбужденно обсуждали предстоящую смену места. Особого выбора у них не было: с юга на запад протянулось озеро, на северо-западе простирался лес, на юго-востоке теперь господствовали слуги Схарма. Оставался один путь — в северные районы города, контролируемые бандой Уродов. И хотя решающее слово оставалось за Скалом, никто не сомневался, каким оно будет.

Дио подсел к костру — страшно хотелось есть. Последний раз они с Жженым ели почти сутки назад. Женщина, помешивавшая варево черпаком на длинной ручке, покосилась неодобрительно, но не посмела проигнорировать требовательно протянутый котелок. Все уже знали, что Дио и Жженый притащили огромный кусок хорошего брезента. Дио вынул изза пояса алюминиевую ложку, присел в стороне, слушая общий разговор.

Развернув истертую до дыр карту города, полную карандашных помет с обозначениями точек сдвига, узлов, мест вероятного образования норы, банда спорила, куда на этот раз поведет их Скал, где теперь с большей долей вероятности можно будет найти хорошую добычу.

— Надо послать стервятников. — Дио вклинился в разговор, когда очистил котелок до дна и счел, что услышал уже достаточно. — Проследить перемещения «крыс», узнать, где у них свежие гнезда.

Это был самый опасный и одновременно самый выигрышный вариант. Банда, называвшая себя Мародерами, но получившая в городе презрительное прозвище «крысы», первой исследовала новые руины. Они приходили в точки смещения, когда те еще были нестабильны, и прочесывали их вдоль и поперек, выгребая все подчистую. Иногда им удавалось находить действительно ценные вещи, но гораздо чаще «крысы» гибли, погребенные под останками рушащихся зданий, сожженные огнем занимающихся в них пожаров, выброшенные в неизвестность черными провалами нор.

Все найденное они стаскивали в гнезда для дальнейшего обмена и продажи. Разорить такое гнездо было большой удачей для стервятников. «Крысы» умели прятать свою добычу.

Банда загудела. Город полнился слухами о счастливчиках, находивших свежие гнезда «крыс», полные оружия, консервов, одежды, простейших механизмов, сложных приборов и даже лекарств, но разговоры эти не шли дальше слухов, и едва ли кто-то мог похвастаться, что видел хотя бы одно действительно богатое «крысиное гнездо». Одновременно все знали: именно «крысы» способны достать практически любой предмет в городе, будь то рыболовные снасти или посуда тонкого стекла.

- Это слишком опасно, крикнул кто-то.
- «Ерунда», хотел ответить Дио, но его опередил Скал.
- Отличная идея, Дио! Наголо бритый главарь банды шел от ворот ангара, сопровождаемый своей свитой. Вовсе не ожидая такой поддержки, Дио невольно поднялся с места. Сиди-сиди, мальчик. Подойдя, Скал похлопал его по плечу. Сам присел на корточки у костра, сцепив пальцы и поглядывая на своих людей с хитрым прищуром. Мы пойдем разорять гнезда «крыс», и неважно, сколько добра мы найдем там... Удивленное

молчание было ответом «крысу». Клянусь приходо	ему. — Слуги ом Губителя, без	Схарма богато добычи мы не о	о заплатят за останемся!	каждую	пойманную

Глава 3

Дио не понравилась эта идея.

— Зачем схарматам «крысы»? — спрашивал он Жженого, когда они собирались в рейд.

Жженый молчал. Он знал, что его мнение Дио вовсе не интересно, тот просто разговаривает сам с собой. Несмотря на жестокую непрекращающуюся войну между бандами, Мародеров никогда не трогали, позволяя тем беспрепятственно покидать свои гнезда, уводить детей и женщин в новые укрытия. «Крысы» были полезны. Они выполняли работу, с которой не справился бы никто в Городе. И теперь Скал готовился нарушить негласный закон, которому следовали все без исключения банды. Это тревожило Дио, заставляло его нервничать. Проверяя, легко ли выходит из ножен нож, не звякнут ли наручники на поясе, не ослабла ли шнуровка на берцах, Дио ругался. Грязно и зло.

Когда экипировка была закончена, они с группой таких же стервятников покинули ангар, направившись к вагону, в котором их ожидал Скал. Обычный инструктаж перед не совсем обычным рейдом.

— Помяни мое слово, Жженый — сказал Дио как можно тише, — мы настроим против себя весь Город.

В глазах Жженого тенью мелькнуло беспокойство. Стало понятно, он даже не задумывался о возможных последствиях этой вылазки. Думал ли о них Скал? — Дио не знал этого. Скал был давно уже не молод и стоял во главе Губителей уже не первый десяток лет. В чем-то он заменил Дио отца... Но ни один человек в банде не знал своего предводителя понастоящему. Тому всегда удавалось удивить своих подопечных. Возможно, именно поэтому никто за много лет так и не оспорил у Скала права первенства...

Охрана беспрепятственно пропустила их в вагон. Дио осмотрелся с любопытством. Под потолком тускло горели электрические лампы: банда всегда имела с собой достаточный запас аккумуляторов, но далеко не всегда было, к чему их подключать. Здесь основная начинка вагона сохранилась в неприкосновенности. Более того, временное убежище было хорошо усилено изнутри. Кто-то использовал этот вагон раньше: кочевые банды, нигде не задерживавшиеся надолго, никогда не делали таких укреплений, предпочитая свободу перемещения защищенным позициям. Окна вагона были закрыты стальными листами. Переборки меж отдельными купе снесены. Помещение внутри было разбито на две большие части, в одной из которых их и ждал Скал.

Стервятники тесно расселись на нескольких откидных полках, оставшихся по стенам вагона. Скал, помешивавший ложечкой чай, сделал добрый глоток и отставил в сторону стакан в красивом, но потемневшем от времени подстаканнике. Дио втянул ноздрями воздух, наслаждаясь терпким запахом свежезаваренных листьев.

— Сегодня вы идете в не совсем обычный рейд, — начал Скал, обведя взглядом лица стервятников. — Ваша задача — выяснить приблизительное число «крыс» в разных районах Города, чтобы мы могли наконец решить, куда нам отсюда двигаться дальше. Это не разведка боем, старайтесь избегать схваток. Но будет неплохо, если уже в этой вылазке вы добудете для схарматов пару «крыс».

Стервятники невольно переглянулись. Не зря их банда носила имя Губителя — они никогда не охотились за живой добычей. Им привычнее было убивать всех, кто становился у них на пути, чем брать пленных. Скал терпеливо ждал. И когда волнение улеглось,

продолжил:

— Я понимаю, что прошу странного. Но среди нас есть человек, которому такие рейды не в диковинку. Дио, — тот почувствовал себя неуютно, когда все взгляды обратились к нему, — расскажи нам, как ты ловишь тварей?

Злость поднялась волной, захлестнув до приступа удушья. Стоило труда сдержаться, взять себя в руки. Мешало пристальное внимание каждого, обращенное теперь на него.

- Я... обездвиживаю их... всеми... возможными способами, он будто выталкивал слова из горла, преодолевая сопротивление связок. Пауза, повисшая после его слов, затянулась. Скал смотрел ему прямо в глаза, и Дио не в силах был отвести взгляд. Все ждали, что же он скажет дальше, а ему просто нечего было сказать им.
- Это совсем не сложно, вдруг вклинился Жженый, будто почувствовав, как наэлектризовался воздух. «Крысы», это ведь совсем не твари. То есть я хочу сказать, «крысы» те еще бестии и могут при случае доставить хлопот, но разве можно их сравнивать с леканами? Треснуть раз по темечку и в мешок.

Кто-то сдавленно хохотнул, и это моментально разрядило атмосферу. С невольной досадой Дио понял, что Жженый снова, в который уже раз, выручил его. Понимание это лишь разозлило его еще сильнее.

Дальше все прошло как обычно. Они вновь рассмотрели карту, распределив кварталы между стервятниками. Им действительно не оставалось другого выбора, кроме как продвигаться на север, но территория на севере была достаточно обширна. Когда наконец обговорили все до мелочей, Скал сам пошел проводить стервятников. Снаружи уже сгущались сумерки, ветер усилился, из обжигающе-горячего став ледяным. По плечам прошла невольная дрожь — выходить на охоту в ночь было довольно рискованным делом: ночью мастер Лек спускал с поводка своих тварей. Дио прекрасно понимал: Скал задал свой вопрос не из праздного любопытства, но Дио действительно ничем не мог помочь другим поисковым группам. Доведись им столкнуться с леканом, им не поможет ничто...

- Ты действительно ничего не хочешь сказать парням напоследок? спросил Скал, кладя руку на плечо. Его ладонь была сухой и теплой. Он чуть сжал пальцы, тихонько отводя Дио в сторону. Тот лишь качнул головой. Жаль. Скал помолчал, глядя задумчиво туда, где в наползающей темноте исчезали рельсы. В полумраке четче проступили белые шрамы, исполосовавшие скальп Скала следы ножевых порезов, полученных в многочисленных уличных стычках. Вертикальные морщины у рта стали как будто глубже, уголки губ опустились. Ты играешь в опасные игры, мальчик, продолжил он, и Дио ощерился невольно, почуяв скрытую угрозу. Но Скал не угрожал ему. Он хотел предупредить. Схарматы спрашивали про тебя сегодня. Может быть, они слышали что-то... Что-то о человеке, убивающем тварей. Их тварей, Дио. Ты уверен в Мяснике, которому сбываешь свой товар?
- Да, ответил Дио, вспомнив невольно о той случайной сделке, что так неожиданно ему подвернулась. Он боялся, как бы о ней не проведал Тесак. Теперь выходило, что опасаться ему следовало совсем-совсем иного.

Как только Тесак нашел способ пересаживать усовершенствованные органы леканов от одного носителя к другому, «доноры» стали очень дорогим и очень востребованным товаром. Многие занимались лишь тем, что охотились на леканов: группами или поодиночке. Но только Дио неизменно сопутствовала удача. Тесак знал, кому он обязан процветанием своего бизнеса, и ни за что не подставил бы Дио... Чего нельзя было сказать о его конкурентах. Те

вполне могли попытаться навредить Тесаку, попросту устранив его поставщика.

Это мгновенное осознание возможной опасности пробежало по хребту холодными липкими пальцами безотчетного неконтролируемого страха. Людей Дио боялся больше, чем тварей.

Когда они проходили мимо ремонтного ангара, Дио увидел угловатую фигурку Тары, освещенную со спины ярко горящими кострами. Жженый тоже заметил ее: махнул ладонью, и Тара помахала ему в ответ.

Дио сплюнул. Зашагал шире, спеша скорее покинуть Депо. Им предстояло пройти еще пять километров через руины Города. Дио рассчитывал быть на месте час-полтора спустя. Он задал такой темп, что Жженый едва поспевал следом. На улицах было темно: луна пряталась в тучах, а обитатели развалин были слишком малочисленны и осторожны, чтобы выдать свое присутствие нечаянным проблеском света. И хотя Дио чувствовал, за ними следят, это был «ничейный» район. Люди, обитавшие здесь, сейчас были слишком слабы и разрозненны, чтобы осмелиться угрожать бандам.

Пробираясь через завалы, Дио бросал взгляд на запястье, где едва слышно тикали большие наручные часы с несколькими циферблатами. Они не годились на то, чтобы отмерять время, но точно показывали, где начинаются зоны сдвига. Чем ближе располагалась аномалия, тем отчаяннее вертелись стрелки. Когда минутная стрелка начинала бежать так, словно отсчитывала секунды, вероятность оказаться в точке смещения достигала максимума. Именно в таких, готовых в любой момент схлопнуться, точках любили селиться «крысы».

Когда время на часах Дио начало заметно убегать вперед, они остановились, чтобы натянуть шейные платки на нос, — «крысы» недаром никогда не расставались с респираторами. Если им не повезет оказаться в точке смещения, тучи цементной пыли — самое малое, на что они могут рассчитывать. Приспособив летные очки так, чтоб их можно было в любой момент опустить на глаза, Дио оглядел улицу. Ветер гнал жестяную банку вдоль по проезжей части. Громыхая, она прокатывалась несколько метров и замирала до следующего порыва. На секунду Дио показалось, что это мальчишка в ярко-красной курточке и широких синих штанах подбрасывает жестянку носком ослепительно-белых кроссовок. Глаз уловил едва заметное мерцание на фасаде здания напротив. Казалось, стоит напрячься, и можно будет разглядеть неоновую вывеску, переливающуюся всеми цветами радуги... Дио сморгнул, чтобы прогнать видение. Снова пристально вгляделся в дом напротив. Невысокий, всего в три этажа, он занимал зато огромную площадь и был довольно сложен по форме. Наверняка внутри имелось множество ярусов и переходов, а выбитые панорамные окна первого этажа позволяли без труда покинуть здание. «Крысы» любили гнездоваться в подобных домах.

Дио вытащил зачерненный сажею нож. Жженый расправил пращу, вложил в нее маленький свинцовый шарик из сумки на поясе. Дио первым пересек улицу, запрыгнул в выбитый оконный проем и откатился к темной тени справа. Подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Тень, в которой он нашел укрытие, оказалась невысокой длинной стойкой, разделившей просторное пустое помещение на две неравные части. Приподнявшись чутьчуть, Дио увидел толстый слой цементной пыли, покрывавший стойку, каменный замусоренный пол, автомат с надписью «Кофе» у стены напротив. Чуть сбоку широкая лестница вела на второй этаж. В пролете виднелось чудом уцелевшее витражное окно: в ветвях деревьев прятались удивительной красоты птицы. На секунду Дио пожалел, что не

может увидеть это при свете дня, когда солнечные лучи играют в цветных стеклах. Потом он обернулся и посмотрел на улицу. Минута, которую должен был выждать Жженый, близилась к концу. Но, как ни вглядывался Дио, Жженого он заметил, лишь когда тот запрыгнул сквозь оконный проем внутрь и точно так же откатился к ближайшему укрытию. Жженый был хорошим охотником, и убедиться в этом лишний раз было приятно.

Они выждали еще чуть-чуть. Тронув за рукав, Дио приподнялся, показал Жженому витраж. Тот замер, восхищенный. Он тоже никогда в своей жизни не видел подобного, и Дио испытал странное чувство, как будто вся эта красота принадлежала ему лишь потому, что он увидел ее первым. Еще через минуту они начали искать спуск вниз.

Точки смещения диктовали свои правила: подвальные помещения обещали относительную безопасность. Близость к земле как будто стабилизировала реальность, даря призрачный шанс на выживание. Аномалии редко проявляли себя вблизи водоемов, оврагов, карьеров — точно так же можно было ручаться, чем ниже дом, чем глубже уходят его подземные этажи, тем меньше вероятность сдвига в этой точке. Впрочем, из всех правил были свои исключения.

Лестница, ведущая в подвальный этаж, отыскалась не скоро. Они миновали один зал, стараясь держаться ближе к стене, слиться с ее темной поверхностью. Вышли в другой. Там, в самом его конце, стояла группа людей.

Жженый замер на полушаге, но Дио дал знак двигаться дальше. Это были всего лишь муляжи. «Манекены», всплыло из глубин памяти нужное слово. Обнаженные, лишенные волос, они походили на служителей какого-то древнего культа: стояли, выстроенные в круг, обращенные спиной друг к другу, будто защищали нечто, находящееся в центре. Матово блестела неестественно бледная кожа обнаженных тел. Дио предпочел обогнуть их по широкой дуге. Искусственные люди заметно напугали Жженого. Даже когда они завернули за угол, войдя в третий, округлый зал, он продолжал беспокойно оглядываться. Здесь, прямо посреди помещения, они и нашли спуск вниз: две узкие лестницы, глядящие друг на друга. Дио внимательно исследовал их. Слишком узкие, темные, сделанные из какого-то прорезиненного материала и снабженные резиновыми перилами, они не внушали доверия. Дио предпочел бы спуск с большим пространством для маневра. Судя по тому, как вздохнул Жженый, он тоже не горел желанием окунуться в непроглядную тьму, царившую ниже. Но когда они собрались двигаться дальше, позади раздался глухой стук.

Дио пригнулся невольно, приседая, отбежал к ближайшему укрытию — широкой каменной чаше, полной чахлой, увядающей без воды и солнца зелени. Жженый распластался за низенькой скамейкой. Оттуда ему открывался отличный обзор на уже пройденный путь, и Дио смотрел на напарника, ожидая, когда тот подаст какой-нибудь знак.

Ждать пришлось долго. Наконец Жженый поднялся и, расправив пращу, двинулся так же, вдоль стены, назад. Выждав с десяток секунд, Дио тронулся следом, не забывая контролировать пространство за спиной. Приблизившись к повороту, они уже четко различали какие-то звуки, доносившиеся от группы манекенов. Жженый первым заглянул за угол. Бесшумно скользнул в ладони кожаный ремень — Жженый приспустил конец с заложенным в карман свинцовым шариком и принялся тихонько раскручивать снаряд. Когда праща набрала обороты, раздался пронзительный свист. За углом вновь что-то стукнуло, и Жженый отпустил ремень. Послышался характерный звук упавшего тела. Дио сорвался с места, обогнув Жженого, вылетел в зал.

Маленькая фигурка «крысы» с характерно длинными для них руками и впалой грудью

распласталась меж стоящих полукругом фигур. Только теперь Дио увидел: манекены охраняли второй спуск вниз, одним своим видом заставляя держаться подальше суеверных обитателей Города. Член банды Мародеров попытался приподняться и снова упал навзничь. Вокруг его головы расплывалось темное пятно крови. Дио рухнул на колени рядом. Ударил рукоятью ножа меж лопаток, обозначив свои намерения, и, заломив руки за спину, защелкнул на запястьях наручники. И только потом поднял Мародера за плечо, заставил его сесть. У того был слегка разбит затылок — Жженый, помня приказ поймать одну-другую «крысу» живьем, сработал аккуратно. Зато из носа кровь шла сплошным потоком. Именно так и натекла та лужа, которая испугала Дио. Он улыбнулся невольно. Сдернул с Мародера залитый кровью респиратор, увидел неестественно бледную кожу и трясущиеся белые губы под ним. Вынул из кармана относительно чистый лоскут ткани и, обильно смочив водой из фляги, вытер натекшую кровь. Движением руки заставил Мародера запрокинуть голову, прижав тряпку к носу.

Жженый присел рядом. Принялся обшаривать тело пленного. Но нашел только тонкий, сработанный из напильника, нож на поясе. Такой мягко входил меж ребер, вонзаясь глубоко в легкие. Закончив, он дал знак Дио, и тот рывком поставил жертву на ноги. Окровавленная тряпка упала на пол. Мародер шмыгнул разбитым носом, и Дио слегка стукнул его по затылку, приказывая вести себя тише.

Теперь впереди шел Жженый. Они вернулись в первый зал, стараясь ступать как можно быстрее и аккуратнее, чтоб не звякнул ни один осколок стекла, не загремел под ногой строительный мусор. Пробежали туда, где никто не стал бы искать их — к лестнице, ведущей на второй этаж. Увидев, куда его тащат, Мародер забился в руках пленителей, сопротивляясь. Достаточно сообразительный, чтобы понимать: его тут же убьют, попытайся он крикнуть, он все же не желал рисковать своею жизнью, забираясь на верхние этажи. Дио снова пришлось стукнуть пленного, и тот вдруг обмяк в его руках. Не сбавляя шага, Дио подхватил, взвалил его на плечо. Они бегом взбежали по лестнице, не ожидая увидеть никого наверху. Миновали пролет с цветным витражом. Отягощенный ношей, Дио чуть отстал и потому не увидел, что именно произошло со Жженым. Преодолев последние ступеньки, тот сделал несколько шагов дальше, скрывшись из виду. А потом раздался короткий, сдавленный вскрик. Дио сбросил «крысу» с плеч. Замер, вслушиваясь. Он не поможет Жженому, если бросится к нему очертя голову, он понимал это. Но наверху было тихо, а время утекало сквозь пальцы. Одна упущенная секунда могла стоить Жженому жизни.

Дио вынул нож из ножен на поясе. Медленно пошел вперед. Каждая пройденная ступенька приподнимала его чуть выше, открывая постепенно панораму второго этажа. Прямо по центру нависала над просторным залом громоздкая, затянутая пыльной паутиной конструкция. Ниже раскинуло ветви маленькое высохшее деревце. Еще ниже, опрокинутый на спину, лежал Жженый. Прямо над ним, обнюхивая, стоял волк — необычайно крупный зверь с большой лобастой головой. В лунном свете, свободно струящемся сквозь панорамные окна, было видно, как поблескивают стальные клыки зверя. Шипастый ошейник и металлические пластины, закрывавшие плечи и грудь волка, не оставляли сомнений: то было очередное создание мастера Лека. Тварь неразумная и оттого еще более опасная.

Жженый лежал, не шевелясь. Может быть, он был уже мертв. Дио старался не думать об этом. Он шел к волку, краем глаза замечая, как призрачно меняется все вокруг: загораются за окнами яркие огни, доносятся приглушенные звуки несущихся куда-то машин, отдаленный вой сирены... Часы на его запястье сходят с ума, стрелки вертятся как бешеные, указывая на

скорое приближение аномалии, но Дио идет вперед, и дерево в центре зала одевается в листья, раздается журчание бегущей где-то воды, струя холодного воздуха ударяет в грудь, мгновенно высушивая пот, пространство полнится непривычными звуками работающих механизмов. Волк поднимает голову. Чуткая тварь обводит зал взглядом голодных желтых глаз. Приподнимается, обнажая клыки, верхняя губа, и раздается тихое рычание. Дио крепче сжимает нож, понимая, что у него есть всего лишь один шанс, и жалея о длинной острой заточке, оставшейся у Жженого — как было бы хорошо вогнать ее меж металлических пластин под лапой твари, сразу достав до сердца...

Когда до твари остается всего лишь шаг, она вдруг прыгает прямо на него, каким-то немыслимым образом преодолевая все находящиеся между ними пространства.

Тварь сбила его с ног. Зубы клацнули у горла, но рука с ножом уже вспорола мягкое подбрющье, выпуская кишки наружу. Побежала, обжигая, горячая кровь. В ноздри ударил удушливый запах мокрой шерсти. Пронзительный вой заложил уши, а серо-стальные клыки окрасились красным, когда на губах твари выступила кровавая пена. Понимая, что ничего еще не кончено, Дио выдернул нож и, другой рукой отворачивая в сторону серую морду, снова ударил тварь, целясь в глаз. Нож соскочил, еще и еще раз. Не видя уже ничего от заливающей глаза крови — волк прокусил ему руку, — Дио бил наугад до тех пор, пока судорога не прошила все тело твари. Обмякнув вдруг, она навалилась всем своим весом, придавив. Дио с трудом спихнул тушу в сторону.

Мертвый волк был обездвижен.

Страшная рана на его животе почти затянулась — уродливым шрамом змеились сросшиеся края. Судорожно подергивались лапы, но из глазницы твари торчал всаженный по рукоять нож. Поврежденный мозг не в силах был отдавать приказы телу, а сталь препятствовала регенерации тканей.

Дио пополз прочь. Его трясло, и он не смог бы подняться на ноги. Раздался приглушенный стон, а потом Жженый приподнял голову.

— Дио? — прошептал он одними губами.

Дио опрокинулся на спину. Огромная стальная конструкция, украшенная пыльной паутиной, медленно вращалась у него перед глазами. Приступами накатывала тошнота. Тело сотрясали редкие конвульсии. Всплыло лицо Жженого. Его руки бережно приподняли голову, поднесли к губам край фляги. Первый глоток заставил закашляться, а потом Дио принялся пить, смывая с губ вкус своей и чужой крови, смывая нечеловеческое напряжение и животный страх.

Жженый скинул куртку. Скатав ее, положил под голову и ушел. Вернулся через несколько минут, волоча за шкирку плененного Мародера. Вновь прошептал одними губами, помня, как далеко разносится в руинах каждый звук:

— Еле догнал.

При виде твари Мародер сжался в комок и заскулил чуть слышно. Жженый, не церемонясь, отвесил ему хороший подзатыльник. Дио усмехнулся и почувствовал, что наконец-то пришел в себя. С трудом сев, он снял с пояса собственную флягу и принялся пить. Сделал три длинных, полных глотка, с наслаждением ощущая, как прохладная вода омывает глотку, и посмотрел на убитую им тварь. Тело твари еще подергивалось, на обнаженных клыках выступала кровавая пена, уцелевший глаз смотрел с лютой ненавистью. Тварь была обречена и знала это. Все ресурсы организма были брошены на борьбу с чудовищной раной, но не могли восстановить поврежденный мозг. Телу мертвого волка оставался всего лишь

час-другой его странного послесмертия, а потом оно затихнет навеки.

Мертвая тварь не стоила ничего. Мясники умели работать лишь с живыми тканями. Но оставлять тело здесь было опасно. Теперь, после разговора со Скалом, совсем не хотелось рисковать лишний раз. Дио принял решение, и спустя какие-то четверть часа они со Жженым разошлись в разные стороны. Жженый, волоча за собою пойманную «крысу», возвращался назад, в банду. Дио же, устроив тушу волка на волокуше, наскоро смастеренной из обрезков арматуры и кусков целлофана, найденных тут же, потащил его дальше по улице. Он хотел подойти как можно ближе к точке смещения, чтоб наслоение реальностей, порой выбрасывавшее в их мир целые кварталы, навсегда погребло под собой тело твари. Когда руины вокруг стали практически непроходимы, а стрелки на его наручных часах завертелись гораздо быстрее обычного, он решил, что сделал достаточно. Не заботясь о том, чтобы прятать тело, бросил волокушу прямо посреди улицы, вынул из глазницы окоченевшей уже твари свой нож и поспешил скорее прочь из потенциально опасного района. Он не сомневался — в ближайшие дни, а может быть, даже часы, все здесь обратится в прах и ничто уже не сможет свидетельствовать против него.

Ночь умирала. В воздухе чувствовался рассвет. В сером небе кружили сизые голуби. Дио шел, почти бежал, придерживая раненую руку. Он хотел поскорее покинуть точку смещения и совсем не прятался. Улицы в этой части города были абсолютно пусты и необитаемы. Этот район был слишком опасен даже для «крыс». Даже твари Лека не рискнули бы ошиваться там, где одна реальность в любой момент способна заместить собой другую. Дио не рассчитывал столкнуться здесь с кем бы то ни было и потому замер как вкопанный, услышав приглушенные расстоянием крики. Отчаянно кричала женщина.

Дио постоял еще минуту, размышляя, и когда крик повторился, он устремился к источнику звука. Им двигало любопытство и какое-то другое, смутно осознаваемое чувство, чем-то похожее на ощущение уже виденного раз. Именно это странное ощущение заново переживаемого эпизода собственной жизни заставило его сорваться вдруг и побежать, не заботясь уже о боли в раненой руке.

Он успел вовремя.

Стиснутый со всех сторон высотными домами, пустырь был погружен в сумрак. Серый свет занимающегося утра еще не разбавил темноту уходящей ночи, но красное платье девушки на ее фоне трепетало ярким язычком пламени. Здоровый амбал, намного выше и шире в плечах, чем Дио, держал отчаянно вырывавшуюся девчонку за плечи. Другой шел к ней, поигрывая ножом, и Дио хватило одного взгляда, чтобы понять его намерения.

Дио рванул во весь опор. Он бежал из глубокой тени, отбрасываемой домами, бежал наперерез тому, который был вооружен, и рассчитывал, что его заметят не сразу. Его расчет оправдался.

— Мля! — крикнул тот, который держал девушку, и в его голосе было больше удивления, чем страха. Второй медленно повернулся, взглянув на Дио. Человек двигался слишком медленно, словно во сне. В его взгляде тоже не было страха. Не веря, что все получится вот так легко, Дио ударил одной рукой, выбивая нож. Ребром другой ладони он рубанул парня по горлу. Боль электрическим разрядом пробежалась от кисти до локтя раненой руки, перед глазами поплыли черные пятна. Колени невольно подогнулись.

Раздался глухой, утробный рык. Второй отбросил девушку прочь. Та упала на четвереньки, с трудом поднялась и, оскальзываясь на обломках кирпичей, побежала, не оглядываясь назад.

Дио видел все это, когда, присев и развернувшись, перебросил через себя ставшее уже безвольным тело. Следовало добить противника ударом ножа в сердце, но второй шел, целясь прямо в него из пистолета.

Огнестрельное оружие в такой близости от точки смещения с высокой долей вероятности могло дать осечку. Его могло заклинить, патрон мог разорваться в стволе... Сложная техника отказывалась работать там, где грани меж реальностями были слишком тонки.

Но Дио предпочел не рисковать.

Человек с пистолетом смотрел так, будто был абсолютно уверен: оружие выстрелит. И Дио метнулся в сторону, забыв о недобитом противнике. Пуля ударила в камень, обдав градом осколков. Дио невольно зажмурился. Снова нырнул, уходя вбок, высвобождая нож из ножен. Грянул второй выстрел подряд, и Дио не стал дожидаться третьего, ринувшись навстречу. Нож с влажным чавкающим звуком вошел под нижнее ребро стрелявшего. Дио почувствовал кровь на своих руках. Человек замер на секунду. Посмотрел в упор. В глазах его все так же плескалось удивление. Дио разжал пальцы, отступив на шаг. Опустив взгляд, человек дотронулся до рукояти ножа свободной рукой, как будто не веря, что все это происходит с ним, а потом рухнул как подкошенный.

Придавив тело носком ботинка, Дио наклонился, вытащил нож. Тот подался с натугой. Очистив лезвие об одежду убитого, Дио отметил про себя, какая хорошая у того куртка: крепко пошитая куртка толстой свиной кожи.

- Эй! Спасенная им девушка шла обратно, ежесекундно спотыкаясь о камни и мусор. Голос ее дрожал, но она все-таки возвращалась к нему. Дио пошел ей навстречу, решив прийти за курткой позже. Эй! Ты как? Девушка говорила на одном из многочисленных языков Города. Дио знал его хорошо. Они тебя ранили?! воскликнула она, когда Дио подошел совсем близко, и в голосе ее прозвучало неподдельное беспокойство.
- Нормально, ответил Дио, разглядывая чистую кожу, слегка растрепанные вьющиеся волосы, большие испуганные глаза. Идем отсюда, сказал он, беря ее под локоть, уводя прочь с места побоища.

Глава 4

Девушка шла, тяжело опираясь на руку Дио и поминутно оглядываясь назад. Ноги ее то и дело подворачивались, она едва не падала. Когда девушка споткнулась в третий раз, Дио просто подхватил ее на руки. Она вскрикнула, испуганно вцепившись в его куртку, но уже в следующую минуту вздохнула с облегчением, спрятав лицо у него на груди. Дио бросил взгляд на запястье: стрелка часов бежала не быстрее обычного, и потому, увидев останки автобусной остановки, он повернул туда. Усадив девушку на раздолбанную скамейку, он осмотрел ее ноги. Те были обуты в немыслимой конструкции туфли на невероятно высоком каблуке. Разбитые колени кровоточили. Дио оглянулся растерянно. У него не было ни воды, чтобы промыть раны, ни чистой ткани для перевязки.

— Вот, — сказала девушка, вынимая из маленькой сумочки, перекинутой через плечо, небольшой пакетик, — сейчас.

Она достала резко пахнущую белую салфетку, развернула и принялась осторожно промокать рану.

- Дай сюда, он отобрал у нее лоскуток, увидев, как она морщится от боли, избегая задевать саму ссадину. Несколькими точными сильными движениями стер кровь и грязь, обнажив рану. Она шумно втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Еще есть? спросил Дио, осматривая сбитые колени девушки.
 - Вот, повторила она, отдавая ему весь пакетик.

Салфетки были влажными на ощупь и, судя по резкому, чуть спиртовому запаху, должны были хоть как-то продезинфицировать ссадины.

- Потерпи, сказал он, плотно прижимая пару лоскутков к ее ногам, чувствуя гладкую, шелковистую кожу под пальцами. Она кивнула, но на глазах ее все равно выступили слезы. Я Дио, сказал он, надеясь отвлечь ее разговором. И добавил, рассчитывая произвести впечатление: Из банды Скала. В глазах ее плескалось непонимание. Мы называем себя Губителями, завершил он неловко, сообразив, что должного эффекта не получилось.
- Я Шура, ответила она и, подумав, тоже добавила: Из Северокаменска. Приехала на день рождения сестры. Ее муж должен был меня встретить, но таксист отказался ехать через новостройки, я заблудилась, а телефон здесь не ловит, и вот...

Она беспомощно пожала плечами.

Дио не очень хорошо понял сказанное, но кивнул. Убедившись, что салфетки не соскользнут случайно, отнял ладони и сел на скамейку рядом. Девушка дрожала крупной дрожью. Может, от холода, но скорее от нервного перенапряжения. Руки с тонкими запястьями теребили клапан сумки — громко щелкал магнит замка. Дио попытался снять куртку, чтобы набросить ее на вздрагивавшие при каждом щелчке плечи девушки, но рукав, заскорузлый от крови, бередил свежую рану. Зашипев от боли, Дио вспомнил, что в спешке так и не осмотрел искусанную волком руку. Пришлось распарывать рукав по шву. Делать это в одиночку было не слишком удобно, но Шура вызвалась помогать. Едва увидев, что Дио ранен, она, казалось, забыла о собственных своих злоключениях. Дио отдал ей нож. Она надпарывала нити, придерживая рукав с одной стороны, а он тянул его изо всех сил в другую. Нити лопались с громким треском — старая куртка и так доживала свои последние дни. Вдвоем они управились меньше чем за минуту. Вернув Дио нож, Шура принялась аккуратно

высвобождать его руку из рукава. Он мог бы сделать это и сам, но ему были приятны ее нежные, бережные прикосновения. В его жизни никогда не было ничего подобного. Женщины боялись его, зная, каким жестоким он может быть, и едва ли хоть одна девушка прикасалась к нему по собственной воле.

Когда Шура отложила куртку в сторону, взялась осматривать его руку, Дио придвинулся ближе, иначе ей было бы неудобно. Воспользовавшись моментом, приобнял ее за талию, ладонь прошлась по приятной округлости бедра. Девушка не заметила. Морща лоб, она расстегнула рукав рубашки, попыталась его закатать, но ткань, схватившись кровяной корочкой, плотно присохла к ране. Приходилось действовать осторожно. И пока она по лоскутку, где-то оттягивая, где-то разрывая в клочья истончившуюся за долгие годы носки, насквозь пропитанную кровью рубашку, обнажала искусанную волком руку, Дио склонялся к ее шее, вдыхая едва уловимый аромат волос, перебирал пальцами складки платья, думая о гладкой, шелковистой коже под ним, всем телом прижимался к телу девушки, стремясь не только согреть ее, но и самому ощутить исходящее от нее тепло.

- Какой ужас, прошептала она, когда рана открылась полностью. С этим надо к врачу, Шура подняла обеспокоенный взгляд.
- Ерунда, прошептал Дио. Ее близость сводила его с ума. Он повернул ладонь, лежавшую в ладони девушки, их пальцы сплелись. Другая рука чуть крепче обхватила ее за талию, прижимая ближе. Он зарылся лицом в ее волосы, наконец-то дотронувшись губами до шеи.
- Что ты делаешь? Она вырвала свои пальцы из его. Ее ладони уперлись ему в грудь, отталкивая. Прекрати!

Но он не мог и не хотел останавливаться. Губы скользнули ниже, к глубокому вырезу ярко-красного платья, он прижал ее к себе еще сильнее, положив другую руку на грудь и чуть сжав пальцы.

Вскрикнув, она откинулась, ударив его прямо по обнаженной ране. Внезапная, пронзившая все тело боль заставила ослабить хватку. Девушка снова рванулась, с силой оттолкнув его прочь, и, не удержав равновесия, он полетел со скамейки на землю. Инстинктивно выставленная ладонь подвернулась, напоровшись на стекло, и всем своим весом Дио упал прямо на раненую руку. Дикая боль накрыла с головой, в глазах поплыли цветные пятна. Он приподнялся на локте, глядя, как бежит, спотыкаясь на своих неимоверно высоких каблуках, девушка. Смотрел до тех пор, пока затылок не налился свинцовой тяжестью, а взгляд не застлала сплошная черная пелена.

Очнулся он, когда солнце поднялось высоко над домами, заглянув под проржавевшую крышу автобусной остановки. Дико болела голова, во рту чувствовался солоноватый железистый привкус, на зубах скрипела дорожная пыль. Пытаясь подняться — его шатало от потери крови, — Дио отстраненно подумал, что опоздал вернуться к своим. Едва ли стервятники станут ждать его в точке сбора дольше положенного, а значит, назад, в банду, ему придется добираться самостоятельно. В его состоянии это было равносильно самоубийству. Стоит ему войти в обитаемые кварталы Города, он станет легкой добычей для каждого. Он подумал об этом без страха, с холодной отрешенностью приговоренного к смерти.

Гораздо больше его волновало то, как поступила с ним Шура. Он спас ей жизнь, а она просто оттолкнула его. Воспоминания о ладонях, упирающихся ему в грудь, наполняли рот полынной горечью. Дио сплюнул зло, подумав, что в следующий раз он уже не станет

церемониться с ней. Обида жгла, но он знал, что хочет эту женщину так, как не хотел еще ни одну другую в своей жизни, и сделает все, чтобы найти ее и сделать своей. Шура из Северокаменска — этого было достаточно, чтобы начать поиски. Возможно, ее, как и всех тех людей, что он видел на территории комбината, привезли с собой слуги Схарма... Осознание обреченности странно мешалось в нем с мрачной решимостью найти беглянку. Голова от этого хаотичного мельтешения мыслей болела и кружилась еще сильней.

Сумев наконец встать, Дио побрел туда, где оставил убитого амбала. Его куртка пришлась бы как нельзя кстати. Распоротые лохмотья валялись тут же, уже ни на что не годные. Рубашка изодралась в клочья, лопнув по шву на спине, когда он падал. Но на пустыре уже никого не было. Вероятно, оставшийся в живых забрал с собой тело товарища. Это лишь разозлило Дио еще сильнее. Обратно он шел, совершенно не прячась, с твердым намерением выместить всю свою злость на первом, кто только осмелится связаться с ним. Жажда убийства заставляла пристальней вглядываться в темные, отбрасываемые домами тени. Он шел пустыми улицами мимо полуразрушенных домов, и ему казалось, будто улицы эти полны народу. Спешили куда-то странно одетые люди, проносились мимо, отчаянно сигналя, легковые авто, обшарпанные фасады зданий украшали яркие вывески. От какофонии звуков кружилась голова и дурнота подступала к горлу.

Первым наткнуться на Дио не повезло Жженому.

Когда в условленное время Дио не вернулся к точке сбора, Жженый оставил плененного Мародера другим стервятникам и в одиночку отправился на поиски. Жженый знал приблизительно, в каком районе Дио собирался прятать труп твари. Заходить туда не хотелось. У Жженого не было наручных часов, чтобы по ним проверить, насколько безопасна точка смещения, как скоро можно ожидать сдвига. И потому Жженый решил прочесать примыкающие к району кварталы, оставив саму точку на самый крайний случай.

Он методично передвигался от здания к зданию, забегал на верхние этажи, чтобы оттуда охватить взглядом окрестные улицы, жалея, что у него нет приборов, позволяющих видеть дальше, и понимая, что даже если бы те у него были, это едва ли ему помогло бы — плотно стоящие дома закрывали обзор.

Но ему неожиданно повезло. Очередная высотка одиноко возвышалась в скоплении домов поменьше. Кроша подошвами битое стекло, Жженый взбежал по лестнице на четвертый этаж. Выше, задыхающийся и порядком измученный долгими поисками, он поднимался уже тише и лишь потому заметил через окно, выходившее на лестничный пролет, как движется невдалеке маленькая одинокая фигурка. Жженый всматривался, не веря своим глазам и своей удаче — никто не ходит в городе так, не прячась, если только он не один. Но ошибки быть не могло. Прямо по центру улицы спокойным, размеренным шагом шел Дио.

Обрадованный, Жженый скорей поспешил вниз. Пришлось поплутать в переулках, прежде чем он вышел к месту. Жженый бежал прямо по улице и сам, уже почти не прячась, скорым взглядом окидывал перекрестки, боясь вновь потерять друга, но Дио не успел уйти лалеко.

— Эй! — крикнул Жженый, и в голосе его прозвучала не сдерживаемая радость. — Клянусь Губителем, я уж не думал тебя отыскать!

Будто не слыша его, Дио шел дальше, и не думая останавливаться. Жженый выругался сквозь зубы — подобное было ему не в новинку.

— Ты злишься, да? — Пришлось прибавить шагу. Слова все еще давались Жженому с трудом, поврежденное горло саднило, не справляясь с напряжением. — Слушай, ну

перестань уже, а? Да, глупо было возвращаться, но как я мог бросить тебя здесь? — Жженый наконец нагнал его и, схватив за плечо, с силой заставил развернуться, посмотреть на себя.

Удар пришелся в висок. Чуть смазанный — Дио шатало, как под порывами ветра, — но был все же достаточно силен, чтобы Жженый упал на дорогу. В глазах потемнело на миг. Жженый сморгнул раз, и еще раз, пока не увидел собственные руки, упирающиеся в нагретый солнцем асфальт. Поднявшись на ноги, он посмотрел Дио в лицо.

Тот стоял пошатываясь, озирался растерянно. Левая рука его висела безвольно, правой он потирал висок. За прошедшие несколько часов он почернел и осунулся. Губы приобрели синюшный оттенок, темные круги залегли вокруг глаз, русые волосы взмокли и потемнели, облепив высокий лоб влажными прядями.

Жженый снова выругался, грязно и зло, а затем попятился назад, высвобождая заправленную за ремень пращу. Сунув по привычке руку в мешочек на поясе, он достал было маленький свинцовый шарик, но, взвесив в ладони, опустил его обратно. Огляделся, отбежал к тротуару и поднял с земли плотный комочек жирной грязи.

— Извини, — пробормотал Жженый, заправляя найденный катышек в петлю.

Когда праща набрала обороты, засвистев, Дио вскинул взгляд, в котором на секунду мелькнуло узнавание, но Жженый уже отпустил свободный конец пращи, послав снаряд точно в цель. Дио рухнул как подкошенный.

Подбежав, Жженый перевернул его на спину.

— Что ж ты так, — пробормотал он, оглядывая голову Дио, его покалеченную волком руку, лохмотья, в которые превратилась его одежда.

Убедившись, что бессилен помочь, Жженый просто перекинул тело Дио через плечо и понес его к единственному лекарю в городе, которого знал. Жженый спешил, поглядывая на солнце, задевавшее уже краем крыши многоэтажек. Он боялся, что темнота застигнет его на улице. С той же опаской он смотрел на окна домов. Покинув точку смещения, он вошел в обитаемые районы. Небольшие, наспех сколоченные группировки вели тут бесконечную войну за ресурсы. Для этих людей его сумка, полная свинцовых шариков, уже была баснословным богатством. Жженому пришлось делать мучительный выбор. В конце концов он решил, что не настолько везуч, чтобы за какие-то два дня повстречаться сразу с тремя тварями. Когда, осматривая очередную улицу и развалины, тянущиеся по обе ее стороны, Жженый понял, что не хочет выходить на дорогу, все существо его восставало при мысли о том, чтобы выйти под этот пустой взгляд выбитых окон... Жженый затащил Дио в ближайший подвал. Замусоренный, но сухой, он носил следы людского присутствия. На полу был расстелен латаный матрас. Это едва не заставило Жженого уйти, но Дио стало заметно хуже, он впал в забытье и начал бредить. Жженый положился на волю Губителя. Бережно уложив Дио, он укрыл его своей курткой, после чего привалился к стене рядом так, чтобы видеть проем входа и просматривать улицу через подвальное окошко одновременно. Так они дождались прихода ночи. В сумерках, уверенный, что все, кому дорога жизнь, сидят не высовываясь в щелях и укрытиях, Жженый выволок Дио наружу и, не прячась больше, скорее понес его дальше. Идти пришлось всю ночь, и к Тесаку Жженый добрался лишь под утро.

Высотное здание, в котором Тесак занимал весь подвал, Жженый увидел издалека. Когда-то полностью остекленное, оно сохранило окна целыми лишь на верхних своих этажах. Над городом поднималось солнце, и те ярко горели отраженным алым светом. Жженый замер, всем существом своим внимая странному, переполнявшему его ощущению. Это было почти так же прекрасно, как цветной витраж в логове «крыс». Этим чувством

хотелось поделиться, но рядом никого не было. Только Дио, впавший в беспамятство, бормотал что-то невнятно. Жженый вздохнул, поправил свою ношу и уже через полчаса был на месте. Вершина башни все так же сверкала алыми всполохами, но ощущение какого-то чуда уже ушло. Жженый обогнул здание, спустился по круго сбежавшей вниз улице и увидел небольшую металлическую дверку, ход в цокольный этаж. Рядом располагалась кнопка звонка и частая решетка переговорного устройства. Прежде чем вдавить круглую черную таблетку в стену, Жженый вытер ладонь о штанину, провел языком по вдруг пересохшим губам.

Тесак не ждал их скорого возвращения, и Жженому пришлось призвать на помощь все свое красноречие, чтобы уговорить того открыть дверь. Та лишь слегка приотворилась. Жженый напрягся, готовый ломиться в узкий проем, если Мясник вдруг вздумает оставить их снаружи.

— Что с ним? — спросил Тесак, бросив взгляд на Дио.

Жженый пожал плечом.

— Долгая история, — сказал он сипло, — может, я расскажу тебе, пока ты сам посмотришь, что с ним?

Тесак колебался еще секунду, холодно поблескивали стекла летных очков, а потом он все-таки откинул цепочку, распахивая дверь шире.

Вдвоем они протащили Дио в операционную, бросили на металлический стол, где совсем еще недавно Тесак разделывал свою последнюю жертву. Жженый с неприязнью взглянул на кровосток. После притащил себе высокий табурет из жилой комнаты и, взгромоздившись на него, принялся рассказывать. Он мог рассказать о том, что случилось в гнезде «крыс», но не о том, что произошло дальше. Тесаку было достаточно и этого.

— Я подлатаю его, — сказал он, когда Жженый закончил, — но потом вы оба уйдете отсюда.

Жженый молчал, он не привык разговаривать с Тесаком сам и не знал, чего ждать от него.

— Слуги Схарма задают слишком много вопросов. Будет лучше, если Дио и ты, Жженый, на какое-то время забудете дорогу сюда. Если схарматы решат прикрыть мою лавочку, я не смогу противостоять им. Я не воин, и у меня нет армий бессмертных тварей.

Жженый кивнул, глядя, как Тесак срезает хирургическими ножницами лохмотья, в которые превратилась рубашка Дио. Очистив рану и наложив швы, Тесак наполнил шприц какой-то прозрачной жидкостью. Ввел иглу в вену.

— Это все, что я могу для него сделать, — закончил Тесак, протирая место укола спиртовым раствором. — Забирай его, и уходите оба.

Жженый снова кивнул и, взвалив приятеля на плечо, грузно зашагал к выходу. Стальная дверь захлопнулась за спиной, снова оставив их один на один с ночью. Жженый постоял минуту, пытаясь сообразить, куда же ему идти дальше. Сам он хотел бы возвратиться к банде, но трезво оценивал свои шансы проделать этот путь с такой ношей и остаться в живых. Решение было очевидно и возвышалось над ним всеми своими этажами. Перехватив тело Дио поудобнее, Жженый вновь обогнул высотное здание и, взбежав по ступенькам, поспешил скрыться в проеме центрального входа.

Холл был пуст, свешивались с потолка обрывки проводов, обозначая место, на котором раньше располагались хрустальные люстры, но на полу сохранился мозаичный рисунок. Стилизованный цветок, обрамленный по кругу какой-то надписью. Жженый в отличие

от Дио читать не умел. Сквозь полуоткрытые двери одного из лифтов была видна лифтовая шахта. Жженый заглянул в нее с любопытством, когда шел к лестнице. Автоматически отметил для себя эту шахту как возможный черный ход к Тесаку — та уходила далеко вниз, ее дно терялось во мраке. С тем же успехом она могла быть ловушкой...

Подъем на верхние этажи отнял много времени и сил. Солнце уже успело взойти, прохладный ветер завевал в разбитые окна. Сначала Жженый останавливался каждый пятый этаж. Потом остановки пришлось делать чаще. Наконец на двадцать девятом этаже Жженый увидел первое целое стекло в окне. Он поднялся еще чуть выше, а потом ушел с лестницы. Долго бродил длинными коридорами, ища место, которое пришлось бы ему по душе, и наконец увидел комнату с хорошим обзором, имевшую достаточно выходов в смежные помещения и предоставлявшую возможность уйти по любой из четырех ближайших лестниц. Схемы, расположенные прямо на стенах в коридоре, немало помогли ему в поисках.

Когда он опустил Дио на мягкое покрытие посреди этого случайного убежища, тот не бредил уже, впав в глубокое забытье. Но лекарство, вколотое Тесаком, начало действовать. Исчезли темные круги под глазами, ровнее стало дыхание. Жженый укрыл приятеля своей курткой, подумав мельком, что Дио понадобится новая одежда, и не имея ни малейшего представления, где бы можно было ее достать.

Сделав это, Жженый осмотрел место привала. Поднявшееся солнце ярко светило сквозь стекла окон. Не было никакого смысла ставить ловушки в коридорах. Оставалось только надеяться, что никто и не подумает искать их здесь, а Тесак знал, что делает, когда выбирал своим домом одно из самых высоких зданий в городе. Но больше всего Жженый уповал на окна. Ни одно здание, хоть раз побывавшее в точке смещения, не сохраняло целым ни одного стекла. Здесь же, на немыслимой высоте, с которой открывался потрясающий вид на весь город, Жженый лежал на полу и, проваливаясь в подступающую дрему, смотрел на чистое голубое небо сквозь серое, запыленное стекло окна.

Довольная улыбка набегала на его губы. Он думал о том, что, пожалуй, даже Дио не смог бы придумать все лучше. С этой мыслью он и заснул, улыбаясь.

Проснулся он внезапно. Так, как просыпаются чуткие люди, когда чувствуют резкую перемену в окружающем. Оглянувшись рассеянным спросонья взглядом, Жженый сразу увидел, что было не так. Дио исчез. Жженый приподнялся, оглядываясь, и, не увидев своей куртки, которую он набросил на Дио перед тем, как лечь спать, вздохнул с облегчением. Встав, он первым делом заглянул в уборную, которая хотя и не работала в полной мере, но могла еще использоваться по назначению. Справив нужду, отправился на поиски Дио и скоро нашел его на ближайшем застекленном балконе. Тот сидел, упершись лбом в стекло, глядя вниз, на распластавшийся перед ним город.

- Я ударил тебя, Жженый? спросил Дио, не отрывая взгляда от темных домов далеко внизу.
- Ерунда, ответил Жженый излюбленным словечком Дио. Тот усмехнулся. Похлопал по полу рядом, приглашая садиться.

Жженый сел, опасаясь, впрочем, прислоняться к стеклу. Слишком непрочной казалась эта преграда, отделявшая его от многометровой пропасти.

- Я довел Мародера до места, сказал Жженый, устроившись. А потом пошел искать тебя. Последнее прозвучало как оправдание.
- Спасибо, ответил Дио. Жженый взглянул удивленно. Замолчал, не зная, что говорить теперь дальше. Это Тесак меня вытащил? спросил Дио, избавив его от

необходимости подыскивать подходящие слова для ответа.
 Да, — Жженый с радостью переключился на новую тему. — Не захотел укрыть нас у
себя хотя б на сутки. Скотина! — Жженый зло сплюнул.
— Схарматы? — спросил Дио.
— Да, — ответил Жженый, вновь поражаясь, как быстро Дио улавливает суть.
Дио задумчиво кивнул.

- А забраться на верхние этажи высотки это ты сам придумал?
- Да, повторил Жженый, испытывая странную смесь смущения и гордости.
- Молодец. Похвала была приятна. Жженый порадовался, что солнце уже давно село и Дио не может видеть краски, залившей его лицо и шею. Завтра сходишь в банду, принесешь одежду. Дио поправил наброшенную на плечи куртку Жженого. Я скажу, у кого брать.
- А дадут? обеспокоенно поинтересовался Жженый. Банда не делала долгосрочных запасов, предпочитая жить добычей одного дня, а значит, кто-то в банде будет вынужден расстаться с последним.
- Дадут. Если станут упорствовать, отдашь сигарету из тайника. Но только если не отдадут так, ответил Дио устало. Было видно, это не то, что ему хотелось бы обсуждать. Слушай дальше. Переговоришь со Скалом. Расскажешь ему, где мы, надо, чтоб хоть кто-то из наших знал, расскажешь то, что тебе рассказал Тесак, узнаешь последние новости и вернешься обратно.
 - Хорошо, ответил Жженый. Все сделаю.

Вновь воцарилось долгое молчание. Дио как завороженный смотрел на темный город далеко внизу. Жженый вглядывался до рези в глазах, но скоро махнул рукой на попытки разглядеть там хоть что-нибудь. Тьма была абсолютной.

Дио же видел в этой тьме яркие огни вывесок, мягко светящиеся окна жилых домов, фары стремительно пробегающих по улицам автомобилей, бортовые огни пролетающих самолетов. То, что раньше казалось ему миражом, игрой утомленного сознания, случайным взблеском отраженного света на битом стекле, здесь и сейчас стало реальностью. Вот уже несколько часов подряд он наблюдал за тем, чего попросту не могло существовать в их мире. Осознание увиденного сводило с ума. Хотелось шагнуть за тонкую стеклянную грань, отделявшую его от этого яркого, сверкающего мира. Любой ценой оказаться там. Он был теперь практически уверен: девушка, оттолкнувшая его после всего, что он для нее сделал, тоже оттуда, и он никогда ее больше не увидит. Мысль эта наполняла сердце тоской. Ощущение безысходности комком подкатывало к горлу, и лишь присутствие Жженого заставляло держать себя в руках. Чтобы отвлечься как-то, заглушить ноющую боль в сердце, Дио вновь заговорил.

- А как тебя звали раньше, Жженый?
- Что? Жженый вздрогнул. Казалось, вопрос этот напугал его, коснувшись чего-то давно и прочно забытого, пробудив к жизни старые страхи.
- Имя, Жженый, имя, повторил Дио, лишь теперь заинтересовавшись понастоящему. Не родился же ты сразу с этим, он кивнул на безобразный шрам, изуродовавший лицо приятеля. Тебя должны были как-то звать раньше.

Жженый молчал. Дио обернулся, всматриваясь в его лицо. Казалось, призрачный город, сиявший за окном многоцветьем ночных огней, отбрасывал такие же призрачные отсветы, чуть подсвечивая темноту комнаты.

— Я никому не рассказывал, — наконец ответил Жженый. — Только Таре. Дио почувствовал внезапный укол ревности. Злость, гораздо более привычное чувство, поднялась волной, смыв мутный осадок тоски. Жженый, преданный ему душой и телом, имел от него какие-то тайны, тайны, которые он тем не менее поверял этой вздорной девчонке. Дио дал себе слово разобраться с этим позже. Но пока он молчал, надеясь, что его молчание сподвигнет Жженого на дальнейшие откровения.

— Я плохо помню, — начал Жженый, и голос его дрожал. — Это связано с пожаром, — добавил он, будто оправдываясь. — Я плохо помню все, что было тогда. А все, что было раньше, вообще кажется сном... Но я не всегда был Губителем.

Дио обернулся наконец полностью, оперся об оконное стекло, приготовившись слушать. Горящий огнями призрачный город отпустил его на время. Жженый взглянул на Дио как-то странно, попросил:

- Не делай так.
- Почему? спросил Дио, удивленно вскинув бровь.

Жженый неловко пожал плечами, еле выдавил из себя:

— Стекло такое тонкое... Страшно.

Дио ухмыльнулся и не стронулся с места.

Несколько минут прошло в полной тишине. Глаза Дио привыкли к тьме, царящей в здании, и теперь он совсем хорошо различал лицо Жженого, по которому судорогами пробегали отзвуки испытываемых им чувств.

— Мне кажется, я был зверем, — наконец выдавил из себя Жженый. — Стаи диких собак... Это первое, что я помню.

Глава 5

Полудикие псы грызлись за брошенную у кострища кость, а маленький мальчик посасывал большой палец руки, глядя на полуобглоданный мосол.

— Отними, — мужчина присел рядом, посматривая то на пацана, то на скалящих зубы собак. — Давай, покажи, кто главный в стае.

Мальчик ответил долгим пристальным взглядом. Затем качнул головой. Его руки сплошь были испещрены следами укусов, но это были следы игр. Он боялся грозно оскаленных острых клыков и был еще слишком мал, чтобы стыдиться этого. Мужчина гневно раздул ноздри приплюснутого, переломанного в нескольких местах носа, желваки заходили под высокими скулами.

— Останешься без еды, — бросил он, поднимаясь на ноги.

Пацаненок запрокинул голову, чтобы видеть глаза взрослого — так высок был его отец, — и не заметил в них ни тени жалости. Бросить взгляд на мать, перебиравшую скарб рядом, мальчик так и не решился. Он боялся гнева молчаливого, скупого на ласку и скорого на расправу отца, но вздыбленных загривков и мощных челюстей, способных дробить кости, он боялся еще сильнее. Поднявшись с земли, ребенок отряхнул ладошки от пыли, бросил еще один прощальный взгляд на кость и пошел прочь. Слезы застилали глаза, он спотыкался о каменные обломки, не видя, куда ступает, но не смел поднять руки, чтоб отереть их, потому что понимал: отец смотрит ему вслед.

Если бы знать наверняка, что отец бросится, защитит его, когда стая накинется и начнет рвать зубами, он не испугался бы, ринулся бы в самую гущу собак, но он не знал...

Мальчик шел, не разбирая дороги, натыкаясь коленями на бетонные балки, обходя леса устремленных к небу арматурных прутов. Когда вой и рычание стаи стихли, он понял, что ушел достаточно далеко и теперь его никто не видит. Осеннее солнце холодно светило с зенита, свежий ветерок задувал под просторную, не по размеру, рубашку. Мальчик вспомнил, что его серая домотканая курточка, из которой он вырос всего за одно лето, осталась там, у костра, но возвращаться назад уже не хотелось. Он наконец утер глаза рукавом. Шмыгнул заложенным носом и огляделся.

Это место было ему незнакомо, хотя казалось, что он излазил здесь каждую пядь и знает окрестные руины, как никто другой в стае. Тропинка, проложенная меж развалинами высотки и недостроенным домом, огибала зарывшийся в землю ковш экскаватора. Сама машина была давно растащена на составные части. О том, что и она стояла здесь когда-то, свидетельствовали лишь окаменевшие следы траков. Бурьян, бурно разросшийся вокруг, оставил в неприкосновенности эти две широкие полоски земли, будто там, где покоилась когда-то мертвая машина иного мира, не могло уже расти ничто живое.

За ковшом прятался крохотный, чудом сохранившийся домик в один этаж. Хватаясь за почерневшие от времени зубцы ковша, мальчик сделал шаг, другой по направлению к домику. Крутое крыльцо в три ступеньки взбегало к приветливо распахнутой двери. Заходить внутрь было страшно. Стаи никогда не жили под крышей, не искали убежищ в домах, кочуя по городу, нигде не находя постоянного пристанища. Даже непогода — проливные дожди, трескучие морозы и снежные метели — не могла загнать их под крышу надолго. Мальчик видел мало зим. Он помнил прозрачное небо над головой и боялся замкнутых пространств. Но этот маленький домик выглядел так необычно...

Постояв еще немного, он все-таки решился взойти на крыльцо, хотя бы одним глазком заглянуть внутрь. Деревянные перила, украшенные когда-то резьбой, рассохлись и неприятно скрипнули под пальцами. Мальчик отдернул руку, едва прикоснулся к ним, так внезапен был этот короткий, чем-то похожий на стон, скрип. В ответ ему вдруг раздался второй такой же. Мальчик отпрянул, глядя на крыльцо с опаской. Звук раздался оттуда, из-под ступеней, на которые он не успел еще даже опустить обутую в мягкие кожаные носки подошву. Он постоял еще немного, напряженно вслушиваясь, но звук не повторился. Тогда мальчик опустился на колени, пристально и с некоторой опаской вглядевшись в темную тень, отбрасываемую деревянными ступенями. Оттуда, надежно спрятанный разросшимся кустом репейника с одной стороны и зарослями травы — с другой, на него глядел маленький вислоухий щен. Лишь по белому пятну, украшавшему большой выпуклый лоб дворняги, да по ярко блестевшим карим глазам мальчик различил в антрацитовой тени собаку. Щенок был темен как ночь.

— Черныш! Эй! Черныш! — прошептал мальчик громко.

Положив передние лапы на ступеньку, щенок приподнялся, просовывая в узкую щель черный любопытный нос. Мальчик не видел, но очень живо представил себе, как там, под крыльцом, маленький песик отчаянно виляет куцым хвостом. Картинка эта на какое-то мгновение оттеснила все, даже голод, терзавший желудок острыми, мучительными спазмами. Улыбаясь невольно и приговаривая «сейчас-сейчас», мальчик раздвинул руками высокую траву, росшую с одной стороны крыльца, и увидел свободный, чуть углубленный сильными собачьими лапами лаз. Черный щенок кинулся ему навстречу, ткнулся мокрым холодным носом в лицо. Мальчик отвернулся невольно и почувствовал, как шершавый язык лижет ему ухо. Мальчик тихонько засмеялся, и в ответ на звук рядом шевельнулась, просыпаясь, вторая, такая же черная, без единого пятна тень.

Щенки молчали, не издавая и звука. Настоящие дикие псы, больше похожие на лесных своих собратьев, чем на домашних собак, которых, по легендам, люди поработили когда-то, посадив на железные цепи и заставив лаять, вместо того чтобы рвать глотки, как и подобает свободнорожденным бойцам — эти истории с раннего детства рассказывала мальчику мать, он засыпал, слушая легенды о том, как человек взял в руку палку и ударил пса, тем самым поставив себя вне стаи и вне закона...

Мальчик играл со щенками, пока голод и усталость не дали о себе знать. Солнце, перевалив зенит, скрылось за развалинами высотки, маленький дворик, укрытый от посторонних глаз ковшом экскаватора, разом погрузился в серый сумрак. Ветер посвежел и усилился, из прохладного став пронизывающе-ледяным. Мальчик почувствовал, как тело начала бить мелкая дрожь. Он оглянулся на покинутые им развалины, где под открытым небом мать варила похлебку на ужин, а отец отливал заряды для пращи из купленной у Мародеров свинчатки. Судорожный вздох вырвался из груди. Мальчик шмыгнул носом и, подхватив одного из щенков под мышку, а второго подпихивая свободной рукой, пополз под крыльцо, в собачье логово, где ему, по крайней мере, были рады. Свернувшись калачиком в яме, вырытой сукой для себя и щенков, мальчик уткнул голову в колени и заплакал. Слезы тихо катились по щекам, и лишь по судорожно вздрагивавшим плечам можно было понять, что ребенок горько плачет. Щенята беспокойно ворочались рядом, поминутно обнюхивая своего нового знакомца, и через какое-то время мальчик уснул, согретый и успокоенный теплом их маленьких, но горячих тел.

Он проснулся внезапно, когда на дворе уже стояла поздняя ночь. Щенки, пригревшиеся

у него под боком, сучили во сне толстыми короткими лапами. Прямо над ухом оглушительно стрекотал сверчок. Но не это выдернуло его из глубокого сна. Мальчик вслушивался до звона в ушах, и через несколько минут снова раздался заунывный, пронзительный вой, захлебнувшийся почти щенячьим визгом. Выла стая.

Царапая колени о мелкие камни, раздвигая руками траву, он скорее пополз из-под крыльца наружу, но, очутившись наконец на свободе, замер в нерешительности.

Если стая выла, предчувствуя скорый сдвиг, он должен был бегом бежать обратно. Но если на стоянку напала другая банда... Много раз, с раннего детства мать нашептывала ему, прижимаясь губами почти к самому уху: «Беги! Беги и прячься!» — мальчик живо вспомнил ее горячее дыхание, щекотавшее кожу так, что хотелось смеяться. Нижняя губа задрожала невольно, на глаза навернулись слезы, и стоило немалых сил удержаться, не зареветь в голос. Едва не впервые в жизни мальчик не знал, что ему нужно делать.

Ответ пришел неожиданно. Черною тенью, скользнувшею бесшумно под крыльцо. Мальчик резко развернулся, вглядываясь до рези в глазах. Из-под крыльца послышался сдавленный шум, а затем, двигаясь уже не так быстро, но так же целеустремленно, из норы показалась сука, державшая в пасти щенка с белым пятнышком на лбу. Не обращая на мальчика ровно никакого внимания, она пробежала мимо, спеша подальше унести свой ценный груз.

«Сдвиг», — понял мальчик, глядя вслед растворившейся во тьме собаке. «Сдвиг!» — толкнуло радостно в грудь, и он развернулся, побежал скорей туда, где отец уже наверняка сворачивал стоянку, последними словами вспоминая невесть куда девшегося сына, а мать молча помогала ему, смахивая украдкой слезы.

Он мчался во весь опор, ни на секунду не останавливаясь. Даже когда ноги подворачивались, натыкаясь на очередной каменный обломок, он падал на руки, сдирая ладони в кровь, поднимался и снова бежал, потому что все эти развалины, все эти леса устремленных к небу арматурных прутов, все эти протянутые в никуда железобетонные балки всего через пару часов обратятся в прах, не оставив по себе ни следа, ни памяти.

Увидев отсветы костра, плящущие по стенам чуть дальше, мальчик побежал еще сильнее, так, что в ушах засвистел ветер. Просторный пустырь, на котором отец мальчика разбил маленький лагерь, был полон чужих людей.

Мальчик замер как вкопанный, увидев это. «Сдвиг!» — билось в голове с каждым ударом пульса. «Сдвиг! Сдвиг! Сдвиг!» — Сука пришла, чтоб перетащить щенков в новое логово. Животные всегда чуют, когда точка смещения становится нестабильной — это должен был быть сдвиг. Но стая выла не потому, что чувствовала, как смещаются, наплывая друг на друга, реальности...

Качнувшись, мальчик медленно пошел вперед. Там, у костра, чужие люди ели сваренную его матерью похлебку. Мальчик смотрел туда. Ему казалось, что рядом огромный, плечистый человек в черной, отороченной серым мехом куртке снимает шкуры с отцовских псов. Не рассмотреть было за широкой спиной, но под ногами его елозили по грязи окровавленные собачьи лапы.

Мальчику стало дурно. Он поспешил отвести взгляд в сторону. Туда, где чужая женщина ходила меж раскиданных в беспорядке вещей, носком высокого шнурованного ботинка переворачивая опрокинувшуюся посуду, наконечником длинного копья поддевая запятнанные кровью тряпки. Дальше наголо бритый человек с перекинутым за спину арбалетом пытался вынуть болт, застрявший меж ребер мужчины с приплюснутым, перебитым в нескольких

местах носом. Мальчик шел, не в силах поверить, что этот валяющийся на земле мужчина, из груди которого так нелепо, чужеродно выпирает короткий и толстый арбалетный болт, — его отец, а на шее арбалетчика болтается ожерелье из волчьих клыков — единственное украшение его матери.

— Эй-эй-эй! — крикнули вдруг слева, и мальчик замер, будто бы очнувшись от сна. Разум, до последнего момента отказывавшийся понимать происходящее, затопило вдруг осознание свершившегося. Горе нахлынуло, захлестнув с головой. Захотелось кричать, но тело отказывалось повиноваться, парализованное страхом.

Арбалетчик поднял бритую голову, посмотрев мальчику прямо в глаза. А потом одним неуловимым движением арбалет из-за спины перекочевал в его руки. Человек поднялся, переступив через лежавшее на земле тело. Пошел, на ходу взводя тетиву и укладывая новый болт в ложе.

— Сдвиг! — крикнул мальчик то единственное слово, что словно пойманная в силки птица билось и билось у него в голове. — Сдвиг, — повторил он тише, заставив бритоголового невольно прислушаться.

Тот опустил арбалет, направив острие болта в землю.

- Что «сдвиг»? спросил мужчина хрипло.
- Там. Мальчик дернул головой, боясь хоть на миг отвернуться, отпустить взглядом арбалетный болт. Пот градом катился между лопаток. Длинные волосы, собранные на затылке в тонкий крысиный хвостик, взмокли, неприятно прилипнув к спине. Пришла собака. Забрала щенков. Он замолчал, испугавшись вдруг, что эти чужие, убившие их псов люди не поймут, что значат его слова, а он не сможет объяснить лучше.

Но бритоголовый понял. Он бросил вдруг быстрый взгляд на запястье.

- Уходим! закричал он, одним движением руки разрядив арбалет и закинув его за спину.
- Mясо! тот, который освежевал собак, поднялся, обернувшись, и мальчик вновь пошатнулся, увидев его окровавленные ладони и влажно поблескивающий острый нож в них.
- Бросай! Бросай все! крикнул арбалетчик, подхватывая мальчика на руки, сажая его на локоть. Сдвиг!

Слово хлестнуло словно плеть, разом подстегнув каждого. Загремел отброшенный в сторону за ненадобностью скарб, зашипел костер, залитый опрокинутой прямо в него похлебкой, кто-то свистнул пронзительно, и из развалин близлежащих домов показались новые люди.

- Где? Где ты видел щенков, малыш? спросил арбалетчик, и мальчик поразился его голосу, ставшему вдруг удивительно мягким.
 - Там, мальчик махнул рукой, глядя на бритую голову, иссеченную белыми шрамами.
 - Идем-ка посмотрим, сказал арбалетчик, перебрасывая мальчика через плечо.

Мальчик вскрикнул невольно, ударившись носом о широкую и твердую словно камень спину, но человек уже бежал, ловко преодолевая препятствия, которые еще днем казались мальчику непреодолимыми. Когда он пытался поднять голову, то видел, как стремительно удаляется маленькая, залитая кровью площадка у затухающего, слабо трепещущего костерка. Как следом несется молчаливая, сосредоточенная толпа. Никогда раньше мальчик не видел столько людей разом.

Расстояние до ковша экскаватора, казавшееся мальчику огромным, они преодолели за считаные минуты. Мальчик стукнул кулаком в спину арбалетчика, и тот замер, сбросив его с

плеч, поставив на землю перед собой.

— Куда? — спросил он требовательно, встряхивая мальчика за плечи. — Куда собака потащила своих щенят? — Ласка из его голоса снова пропала. Это успокоило мальчика, расставило все по местам. Когда злой человек говорил с ним добрым голосом, мозг

отказывался воспринимать услышанное. Мальчик снова махнул рукой, указывая направление. Человек оглянулся. Увидел крыльцо и примятую траву под ним. В два шага подошел и, опустившись на колени, пошарил рукой под ступенями.

- Сколько? спросил он, поднимаясь с колен. Сколько было щенков?
- Два, ответил мальчик.
- Диаметр небольшой, бросил кто-то из толпы. Успеем.
- Поздно, сказал арбалетчик, глядя куда-то поверх голов.

Мальчик обернулся и увидел то, чего никогда раньше не наблюдал с такого близкого расстояния. Воздух дрожал, словно марево над раскаленным солнцем асфальтом. Очертания близлежащих домов плыли, теряя свои формы. Подошвы вдруг ощутили мелкую вибрацию земли. Не веря своим глазам, мальчик смотрел, как подскакивают выше и выше мелкие камешки рассыпавшейся кирпичной кладки. Как поднимается от земли, повисая плотным разрастающимся облаком, серая цементная пыль.

— Вниз! — закричал арбалетчик, и его голос был страшен. — Все вниз!

Кто-то вновь подхватил мальчика на руки, но тот даже не обернулся, чтобы узнать, кто это. Как завороженный, он смотрел внутрь черной воронки, казалось, засасывавшей в себя весь городской квартал разом.

Серая цементная пыль поднималась все выше и выше, укрывая от постороннего взгляда творящееся в эпицентре сдвига. Мальчик чихнул. Еще и еще раз. Ткнулся лицом в чужую куртку, не зная, как иначе спрятаться от мелкой взвеси, проникающей в легкие, забивающей нос, покрывающей кожу толстым непроницаемым слоем. Но когда его, перехватив за запястья, начали вдруг опускать в какую-то яму, мальчик закричал, вложив в этот отчаянный крик все свое горе. Ноги сами нашли края канализационного люка, и, упершись в него крепче, мальчик с силой рванулся прочь. С младенчества внушаемый страх перед Уродами — мерзкими обитателями подземных пространств — был сильнее страха перед надвигающимся смещением.

Его тут же поймали другие руки. Мальчик вскинул взгляд и увидел человека в черной, отороченной серым мехом куртке. Воспоминания об окровавленных ладонях, сжимавших острый охотничий нож, захлестнули волной безотчетного ужаса. Вывернувшись с ловкостью хоря, мальчик проскользнул под рукой мужчины, готовый бежать прочь.

«Брось!» — крикнул кто-то, но тяжелая ладонь упала уже на плечо, с силой развернув обратно. Не удержавшись на ногах, мальчик рухнул оземь. Приподнимаясь на локтях, ладони были свезены в кровь, мальчик увидел, как с оглушительно громким гудением взметнулся позади столп пламени. Огонь, распространившийся под землей, искал путей наружу. С громкими хлопками пламя срывало крышки близлежащих канализационных люков. Не в силах сдержать рвущийся из груди крик, мальчик инстинктивно закрыл лицо руками и не видел, как потекли над асфальтом стремительно распространяющиеся волны пламени. Он только почувствовал, как схвативший его человек рухнул сверху, разом придавив всем своим весом. Это спасло ему жизнь. Волна огня прошла, лишь опалив руки и половину лица. Дикая боль принесла неожиданное облегчение. Мальчик легко отдался ей, позволив унести себя прочь от творящегося вокруг кошмара. Нечеловечески кричали обожженные люди, с

чудовищным грохотом рушились дома, слои реальности смещались, замещая один на другой. Там, где не успело еще осесть облако пыли и гари, появлялись новые дома. Выныривали из ниоткуда мчащиеся на бешеной скорости автомобили, и люди гибли под их колесами. Ржа на глазах разъедала их блестящие корпуса. Сворачиваясь в трубочку, опадала лохмотьями краска. Раскаленные шины оставляли в асфальте длинные черные полосы. Непрекращающееся сотрясение пространства разрывало стены, пробегая трещинами по кирпичной кладке, заставляя осыпаться штукатурку, выбивая стекла из окон. Звон падающих осколков был подобен шуму дождя. Под этот шум — непрерывный и монотонный — мальчик медленно провалился в глубокий черный омут забытья.

Очнулся он утром, когда ставшая уже привычной тяжесть чужого тела вдруг пропала, оставив чудовищную боль в затекших ногах. Захотелось кричать, но обожженное пламенем, исцарапанное пылью горло издало лишь слабый хрип. Слезы сами хлынули из глаз, побежали сплошным потоком, омывая свежие раны. Половина лица мальчика, там, где он не сумел защититься маленькими еще ладошками, была сожжена. На тыльной стороне ладоней зияла одна сплошная рана, но все-таки он был еще жив.

- Сукин сын, прохрипел нашедший его человек. Какой же ты удачливый сукин сын, Жженый! И в его голосе мальчику послышалось неподдельное восхищение.
- Тогда погибла едва не треть банды. Жженый смотрел мимо Дио, сквозь серое оконное стекло на поднимающееся над домами солнце. Лицо его разгладилось. Казалось, заново переживая прошлое, он успокаивался, примирялся с ним. Скал потерял своих лучших бойцов, и меня оставили жить... Теперь, когда я вырос и знаю законы, по которым живут звери, мне кажется, что все пошло бы иначе, если бы я решился тогда отнять у собак кость... Отец бы увидел, что я готов драться, готов сам добывать себе пищу... увидел бы, что я уже не щенок, и мы вернулись бы в стаю, и ничего, ничего этого не случилось бы...
 - Ты не можешь знать, сказал Дио, понимая, что Жженый прав.
- Нет, Дио. Грустная улыбка тронула губы Жженого. Я знаю. Я струсил. Я всегда боялся. Я не умею, как ты. Я виноват.

Дио молчал. Рассказ Жженого бередил душу, будя какие-то давние, прочно забытые воспоминания. Крик Шуры, заставивший Дио вопреки здравому смыслу сорваться с места, ринуться на помощь, он тоже был как-то связан с ними. Но настойчивые попытки докопаться до прошлого отдавали болью в висок. Что-то в нем ожесточенно сопротивлялось этим попыткам. Дио подозревал, что это был страх. Страх узнать о себе нечто новое, нечто такое, с чем он не был готов встретиться...

- Так как же тебя звали раньше, Жженый? спросил Дио, отчаявшись наконец сладить с собственными воспоминаниями.
- Я не помню, ответил Жженый, и в его голосе Дио вдруг почудились едва сдерживаемые слезы. Я не помню!

Глава 6

Жженый ушел вскоре после восхода солнца. Дио, полночи проведший в наблюдениях за городом, попробовал снова лечь, но острый, режущий голод не позволил сомкнуть глаз. Организм восстанавливался и требовал энергии. Рассчитывать на скорое возвращение Жженого не приходилось. Отправляться обратно, рискуя оказаться на улице одному после наступления темноты, было слишком опасно, а значит, Жженому на дорогу понадобится не меньше суток. Нужно было добывать пропитание самостоятельно. И Дио отправился исследовать здание. Он не тешил себя надеждами найти хоть что-нибудь на нижних этажах — те были давно разграблены, но ему казалось, что едва ли кто-то решился бы подниматься на самый верх высотки, и потому Дио решил искать там. Путь наверх отнял много времени и сил, едва не заставив Дио отказаться от предпринятого похода. Но возвращаться обратно ни с чем не хотелось. На каждом этаже Дио делал долгую остановку, скорым шагом обходил просторные помещения, но видел повсюду лишь следы Мародеров. Когда-то те хорошо потрудились здесь: Дио видел полностью опустошенные комнаты, ободранные полы, лишенные мягкого коврового покрытия, следы проводки, с мясом выдранной из стен. Все, что хоть как-то могло быть пущено в дело и обрести вторую жизнь, было давно найдено и унесено прочь. К тридцать седьмому этажу у Дио начала кружиться голова, но он упрямо поднимался выше, и на последнем, сорок втором этаже его усилия были вознаграждены.

Он с трудом преодолел последний пролет. Прошел широким коридором мимо сомкнутых дверей лифтов, пол перед которыми украшало стилизованное изображение раскрывшегося цветка, и толкнул приоткрытую дверь.

От увиденного захватило дух.

Остекленная галерея полукольцом охватывала последний этаж высотки. Широкие панорамные окна открывали вид на весь город. И это был не тот город, который знал Дио, — серый, полуразрушенный, зияющий черными проплешинами выгоревших кварталов. Дио подошел ближе, упершись ладонями в стекло, прислонив к нему горячий воспаленный лоб. Сотней метров ниже привольно раскинулись светлые городские кварталы. По мосту, соединявшему противоположные берега городского пруда, сплошным потоком мчались автомобили. Просторные парки шелестели сочно-зеленой листвой. Ослепительно ярко горели отраженным солнцем золотые купола храмов.

Ладонь сама собой сжалась в кулак. Дио ударил в стекло. То даже не дрогнуло. Он ударил сильней. Еще и еще раз. Стекло отзывалось глухим стуком. Закричав, он принялся бить что есть силы, без остановки, пока черная пелена не застлала взгляд.

Очнулся он через несколько минут на полу. Сел, прислонившись к окну спиной. Этот вид благополучного цветущего города выворачивал душу. Дио не мог смотреть туда. Он посмотрел на руки. Костяшки пальцев правой были разбиты в кровь. Он провел ладонью по лицу и почувствовал следы слез, но глаза его были уже сухи.

Пошатываясь, он поднялся на ноги. Прошел остекленной галереей, описав полукруг, толкнул другую дверь и спустился по короткой лесенке в огромную круглую комнату, занимавшую весь верхний этаж высотки. Здесь он испытал еще один шок. Это было «крысиное гнездо». Место, где Мародеры прятали все самое ценное, что только могли найти в городе. Вечные обитатели подвалов выбрали действительно неплохой тайник. Никто и представить себе не мог, что легендарные схронки нужно искать под самым небом.

Дио медленно обвел взглядом комнату. Манекены, хаотично расставленные по всему помещению, охраняли ровные штабеля картонных коробок. Выстроенные наподобие лабиринта, они составляли сложный узор, отдаленно напоминавший мозаичную картинку, выложенную перед дверями лифтов на каждом этаже здания. Невысокие, сложенные всего лишь в три яруса, они занимали зато все свободное пространство. Дио шагнул вперед, открыл ближайшую.

В ней хранились консервы. Отлично знакомые, стоящие баснословных денег серебристые жестянки. Упав на колени, Дио вынул из ножен нож. Ослабленные руки дрожали от голода. Ему стоило труда проткнуть тонкий металл крышки. Еще большего — сделать надрез. Когда удалось наконец отогнуть край жестянки, Дио увидел густую, молочного цвета жидкость. Он окунул в нее кончик ножа. Принюхался, но не услышал того тошнотворного запаха разложения, что источало большинство консервов, которые ему случалось находить в развалинах. И тогда, невольно жмурясь от страха, он снял языком вязкую перламугровую капельку.

Это было невероятно вкусно.

Откинувшись на коробки так, что громоздкая конструкция покачнулась, едва не упав, Дио захохотал. Он смеялся, не прекращая. Едва затихал один приступ, волною накатывал следующий. Нечеловеческое усилие воли понадобилось на то, чтоб прекратить это. Дио встал. Отставил банку в сторону и прошел к видневшейся неподалеку раковине. Естественно, в кранах не было никакой воды, но слив работал исправно, и Дио, сняв с пояса флягу, умылся. Немного придя в себя, осмотрел прилегающее пространство. Этот участок комнаты, очевидно, когда-то служил кухней. В подвесных шкафчиках с прозрачными дверками в неприкосновенности сохранилась посуда. Дио приподнял одну дверку — та подалась с трудом, — вынул тарелку из стопки. Поставил на столешницу рядом. Вернувшись к коробке, забрал открытую банку и прихватил еще несколько из коробок, стоявших рядом. Разместившись на высоком табурете, он встряхнул консервы, прислушиваясь, затем вскрыл еще две.

Скоро на его тарелке красовалась горка крупных черных ягод и куски желированного мяса. Это была странная еда, но она утоляла голод. Дио ел, прихлебывая из стакана разбавленное водою сладкое молочко, и неспешно обдумывал ситуацию. С каждой минутой к нему возвращались самообладание и ясность мысли. Он тихо радовался, что никто не видел его слабости, одновременно досадуя на себя за потерянную выдержку.

Свежие консервы и отсутствие толстого слоя пыли на мебели убедили Дио в том, что место это не было забыто или заброшено. А значит, он рисковал, задерживаясь здесь. Доев, он спрятал тарелку обратно в шкафчик, надеясь, что никто не заглянет туда еще ближайшие пару десятков лет. Затем он принялся осматривать тайник более пристально.

Все коробки были тщательно рассортированы и выстроены согласно некой системе. Очень скоро Дио понял, что этот своеобразный лабиринт разделен на сектора, каждый из которых находится под охраной своего манекена. Он нашел одежду, еду, инструменты, оружие, лекарства и многое-многое другое. Глаза разбегались от невиданного разнообразия вещей, но, повертев в руках пистолет, Дио положил его на место. Не слишком надежная вещь в тех частях города, по которым кочует банда. Ножи привлекли его больше. Хотелось забрать их все, но он выбрал один, тот, что напоминал его собственный, снятый когда-то с тела убитого им зверя нож. Простой, без изысков, с удобной рукоятью и кованым стальным лезвием. Дио просто отложил его в сторону, понимая, что к новому оружию придется долго

привыкать и нельзя просто так нацепить его на пояс и начать пользоваться.

Он нашел себе тонкий шерстяной свитер, теплый и не сковывающий движений. Хорошую кожаную куртку с меховой подстежкой. Новые ботинки он, так же как и нож, отложил отдельно. К ним бросил пару зимних перчаток. Коробки с лекарствами Дио оставил нетронутыми. Названия на упаковках не говорили ему ничего. Бросив взгляд на блестящие блистеры, Дио спросил себя, а знает ли Тесак, что хранится практически у него над головою? Этот вопрос не занял его надолго. Он не собирался брать что-то сверх необходимого или возвращаться сюда снова. Это место угнетало его. Отсюда он видел то, к чему не в силах был прикоснуться.

Ни одна из найденных сумок не показалась ему достаточно удобной, чтобы носить ее постоянно с собой, и поэтому он просто выбрал ту, что подошла по размерам. Сложив все отобранные вещи в нее и добавив несколько банок консервов, Дио окинул комнату прощальным взглядом и поспешил уйти, избегая смотреть в сторону панорамных окон.

Спускаться вниз было не в пример легче, чем подниматься наверх. До своего этажа он добрался в считаные минуты. Понимая, что Жженый будет искать его здесь, а делать в здании ему больше нечего, Дио бросил сумку в одной из комнат и, улегшись на нее головой, застегнул новую куртку до подбородка. Найденная еда вернула ему силы. Но теперь его клонило в сон. Он отключился, стоило только закрыть глаза.

Далеко за полночь его разбудил громкий хлопок, похожий на приглушенный расстоянием звук выстрела. Дио сел на полу, разом сбросив с себя сон. Огнестрельное оружие не было такой уж редкостью на улицах города, но стреляли в здании. Дио сидел, чуть прикрыв веки и напряженно вслушиваясь. Второй выстрел раздался меньше чем через минуту. Стреляли в подвальном этаже у Тесака. Искаженный звук долетал по шахте лифта. Подхватив сумку, Дио бросился прочь из комнаты. Выбежав на лестницу, замер, ожидая, когда глаза привыкнут к практически полной темноте. Ничто не нарушало тишины ночного города. Шагнув к дверям одного из четырех лифтов, Дио приложил ухо к прохладной металлической створке, но ничего не услышал.

Развернувшись, он побежал вниз по ступеням. Ни единой минуты он не считал найденное Жженым убежище по-настоящему безопасным. По-настоящему безопасных мест в городе попросту не существовало. Но были негласные правила. Были люди, которые считались неприкосновенными, которые приносили пользу. Тесак был таким человеком. Дио хотел знать, кому помешал лучший Мясник Города и не связано ли произошедшее с их маленьким совместным бизнесом. Предчувствием беды в нем зрела уверенность: чужаки, пришедшие в Город, начали устанавливать в нем свои правила, каждым своим шагом нарушая порядок, утвержденный самим временем. Дио чувствовал, как в нем растет, не находя выхода, глухое раздражение, еле сдерживаемая злость. Злость на Скала, взявшегося служить этим людям.

Спустившись до третьего этажа, Дио стал передвигаться гораздо медленнее и осторожнее. Он избавился от неудобной сумки, спрятав и ее, и новую, поскрипывающую еще не разношенной кожей куртку в одном из воздуховодов. В последнюю секунду, не выдержав, он дернул молнию и вынул найденный нож. Со всем остальным он легко бы расстался, но потерять хорошее оружие было действительно жаль. Закрепив ножны на поясе, Дио долго стоял на площадке перед лифтами — ему чудились приглушенные звуки, доносящиеся снизу. Наконец ладонями он приоткрыл дверцы одного. Звуки мгновенно стали четче. А где-то на уровне первого этажа сквозь точно так же распахнутые двери лифта падал, освещая одну из

стен лифтовой шахты, слабый рассеянный свет. Решение было спонтанным. Протиснувшись в узкую щель меж смыкающимися створами, Дио ухватился за один из кабелей в стене шахты, поставил ногу на перекладину, отходящую от ведущего рельса. Узкие перекладины не давали достаточной опоры ноге, чтобы стать на них полностью, но все же позволяли медленно продвигаться вниз по шахте лифта.

В вестибюле первого этажа кто-то был.

Звуки, доносившиеся оттуда, мог бы издавать крупный зверь. Но Дио уже слышал подобное раньше. Он почувствовал, как зашевелились волосы на руках и затылке. Ноги тем временем сами нашли очередную планку. Подталкиваемый непреодолимым желанием убедиться в своей догадке, увидеть происходящее собственными глазами, он спускался все ниже, боясь, что Уроды уйдут раньше, чем он доберется до полураскрытых дверей на первом этаже.

Они не ушли. Рискуя быть обнаруженным и не имея сил преодолеть болезненное любопытство, с каким порою смотрят на сумасшедших и калек, Дио вынул из кармана обрезок тонкой и прочной бечевки. Затянул узел, закрепив одним концом за толстое переплетение проводов в боковой стене шахты и намотав другой конец на кулак, начал медленно стравливать, балансируя на носках.

Запоздало подумалось, что неплохо бы было разуться перед тем, как лезть вниз. А потом все мысли разом вылетели у него из головы: в вестибюле стояли Уроды.

Огромный, перекрученный узлами мышц танк возвышался, едва не задевая макушкой высокий потолок. Маленькая голова медленно поворачивалась на бычьей шее. Пудовый кулак сжимал кожаный поводок. Рядом, опустившись на все четыре конечности, раздувала широкие ноздри чувствительного носа ищейка. Дио не раз видел танков — воинов, выращенных специально для боя. Ему доводилось даже убивать их, хотя это и было почти так же сложно, как убить тварь. Но вот с ищейками он сталкивался впервые. Существо это лишь отдаленно напоминало человека.

Ноги, специально деформированные так, чтоб человек мог бегать, помогая себе руками. Глаза и уши, закрытые сплошной непроницаемой маской. У костров рассказывали, будто ищейкам вырывали язык, чтобы нюх стал единственным их проводником в этом мире. Эти истории всегда казались Дио страшной выдумкой, но теперь он был готов в них поверить. Пальцы на руках существа были коротко подрублены...

Танк чуть дернул поводок, и существо у его ног, рожденное когда-то человеком, заскулило, словно пес. Дио забыл, что хотел всего лишь бросить быстрый взгляд на происходящее. Тонкий жгут все сильнее и сильнее врезался в ладонь, но Дио, казалось, не чувствовал боли. Завороженный, он следил за тем, как нечеловечески ищейка поводит слепой головой. Как перебирает тем, что когда-то было руками, не решаясь, куда двигаться дальше. Танк дергал поводок в нетерпении. Наконец ищейка стронулась с места. Двигаясь так, как никогда не смог бы двигаться ни один нормальный человек, она повлекла своего хозяина к одной из лестниц, и Дио догадывался, чей след она взяла. За последние дни здесь проходил только Жженый.

Медленно и осторожно подтянувшись, Дио вновь схватился свободной рукой за переплетение лифтовых кабелей. Ладонь другой руки горела. Шнур врезался в плоть, оставив после себя длинные синие полосы. Сунув бечевку в карман, Дио принялся разрабатывать онемевшую кисть.

Если к Тесаку пришли Уроды, значит, Тесак был уже мертв. Все сразу встало на свои

места. Выстрелы, которые слышал Дио и которые он приписал схарматам, охотно и часто демонстрировавшим огнестрельное оружие на улицах города... Это стрелял Тесак, и выстрелов было всего лишь два. Но чем Тесак мог помешать банде Уродов?

Вот уже много лет те контролировали центральные районы города, и никто не мог составить им там конкуренции. Пользуясь сетью подземных железных дорог, они могли быстро перебрасывать свои силы из одного района города в другой. Судя по тому, с какой скоростью Уроды реагировали на внезапно возникавшие угрозы, у них был и какой-то способ мгновенной связи. По слухам, они контролировали практически все подземные коммуникации города, и никто не спешил проверить эти слухи. Только тварей мастера Лека в городе боялись больше, и то лишь потому, что Уроды были древним, ставшим уже привычным ужасом. Маленьких детей пугали рассказами о банде Уродов. Каждый знал жуткие истории о похищенных и превращенных в чудовища младенцах. Но даже для Уродов существовали те негласные правила, по которым жил весь город. Даже Уроды никогда раньше не трогали Мясников.

Дио ждал возвращения Уродов, спрашивая себя: возьмет ли ищейка его след, станет ли танк подниматься на последний этаж, найдут ли его самого в этом ненадежном, больше похожем на ловушку укрытии... Ноги, опиравшиеся на тонкие перекладины, затекали, и приходилось постоянно переносить вес с одной ступни на другую. Хотелось выбраться наружу, поскорей покинуть не только осточертевшую лифтовую шахту, но и само здание. Ночной город теперь казался ему гораздо более безопасным местом, и только мысль о Жженом не давала стронуться с места. Дио потерял счет времени. И когда забрезжило неяркое еще утреннее солнце, Дио решился наконец выбраться наружу. Покинуть лифтовую шахту было проще, чем проникнуть в нее. Дио просто прыгнул в приоткрытый створ дверей и, упав на пол, тут же перекатился дальше, под длинную стойку, отделявшую небольшую часть вестибюля у ближней стены. Там он, шипя от боли, чуть ослабил шнуровку ботинок, пошевелил затекшими от многочасового стояния пальцами ног.

Тишина в здании казалась абсолютной. Хотелось верить, что Уроды уже ушли. Из своего укрытия Дио мог наблюдать и просторный холл, и выход к лестницам, и даже часть улицы за разбитыми окнами. Свежий ветер с пруда навевал прохладу, остужал покрытый испариной лоб. Вслушиваясь до звона в ушах, Дио ждал неестественно частого, убыстренного дыхания ищейки, тяжелой поступи танка, но вокруг было тихо. Рассветало. Утро медленно наползало на город, обнажая его убожество. Выбелило стены домов, резче обозначив пробегавшие в них трещины и черные провалы пустых окон. Заглянуло в самые темные уголки, обнажив горы сваленного там мусора. Неестественно пустынная улица не подавала признаков жизни. Дио чувствовал, что сегодня этот район действительно покинут всеми. Наверняка не он один стал свидетелем ночного происшествия, а слухи в городе разлетаются очень быстро.

Жженый появился незадолго до полудня. Дио, утомленный полуночным бдением, даже не заметил его появления. Жженый сам дал знать о себе. Камушек, метко пущенный пращником, с громким звоном отскочил от металлической таблички, украшавшей стену рядом с входом в здание. Дио вздрогнул. Оглядел обозримое пространство, но никого не увидел. Выждал достаточно, чтоб убедиться: сигнал Жженого не привлек больше ничьего внимания.

Нужно было выбираться из здания. Центральный выход казался слишком открытым, но поиск обходных путей грозил внезапным столкновением с Уродами. Бросив последний взгляд на лестницу, Дио, пригнувшись, пробежал к противоположному концу стойки.

Открылась другая часть вестибюля, в дальнем конце которого широкие двери вели к служебным помещениям, к спуску в подвальные этажи, к подземной парковке, к логову Тесака, еще недавно казавшемуся неприступным. Из-за дверей не доносилось ни звука. Наконец Дио решился. Выскользнув прямо сквозь оконный проем, он быстро пересек открытое пространство. Добежав до остова автомобиля, одиноко стоявшего на пустой парковке, Дио окинул взглядом покинутое здание. В пустых проемах выбитых окон дремали стайки сизокрылых голубей. Неестественная тишина разливалась вокруг. Слышно было, как бьют крыльями скатывающиеся с крутых карнизов птицы да царапают по металлу когти. Дио охватило странное ощущение постороннего взгляда, пристально отслеживающего каждое его движение. Возникло непреодолимое желание спрятаться, скрыться от навязчивого внимания. Пришлось приложить усилие, чтобы преодолеть это гнетущее ощущение постоянной слежки.

Пообещав себе никогда больше не возвращаться сюда, Дио ринулся в переплетения улиц, надеясь затеряться там.

Через несколько кварталов Жженый нагнал его. Не сговариваясь, они свернули к ближайшей подворотне. Арочный проход меж домами надежно скрыл их с глаз в своей глубокой тени, одновременно позволив просматривать улицу на всем ее протяжении.

- Что с Тесаком? спросил Жженый, подтверждая догадку Дио. Весть о ночном происшествии распространилась по городу моментально.
- Я не видел, ответил Дио, вынимая из рук Жженого принесенную им куртку. Мягкая кожа поношенной уже вещи не сковывала движений и практически не ощущалась на теле. Я слышал два выстрела, и там были Уроды. Это все, что я могу рассказать.
- Уроды? В голосе Жженого сквозило явное недоверие. Что такого сделал Уродам Тесак?
 - Я не спрашивал, огрызнулся Дио зло.
- Дио. Что-то в голосе Жженого заставило Дио внимательно посмотреть тому в глаза. Мясники считают, что Тесака убил ты...
 - Что?! Дио не мог поверить собственным ушам.
- Они явились утром. Целой толпой. Жженый говорил запинаясь. Потребовали, чтобы Скал выдал тебя им.
 - И что Скал? спросил Дио тихо, едва сдерживая рвущуюся наружу ярость.
 - Расхохотался им в лицо. Но он зол на тебя, Дио. И он хочет тебя видеть...
 - Идем. Развернувшись, Дио решительно шагнул из под арки.
 - Стой! Жженый нагнал его в два шага. Это после.
 - После чего? спросил Дио.
- После облавы на «крыс». Скал заключил договор со схарматами. Мы должны отловить им с полсотни «крыс». Мужчины, женщины, дети все равно. За всех обещана одна цена. Большое гнездо в центре города, неподалеку отсюда. К полудню мы должны быть там.
 - Дурная затея, пробормотал Дио, проверяя, насколько легко выходит из ножен нож. **Купить полную версию книги**